Рауф Насыров

Шейх Зайнулла Расулев
(1833–1917)

Рауф Насыров

Издательство
"КИТАП"
имени
Зайнаб
Биишевой

УФА · 2008

УДК 82-4
ББК 84-4
Н 32

Насыров Р. Х.
Н 32 Шейх Зайнулла Расулев. — Уфа: Китап, 2008. — 176 с.: ил.

ISBN 978-5-295-04508-0

Сборник посвящен жизни и деятельности великого сына башкирского народа, просветителя, ученого-философа, религиозного деятеля и целителя Зайнуллы-ишана Расулева. В приложении помещены материалы, в которых личность выдающегося деятеля духовного возрождения башкир, казахов и татар освещается с позиций современной исторической и философской науки. Здесь раскрывается суть суфизма и его роль в формировании исламской культуры, рассматривается деятельность видного мусульманского ученого-историка Мурада Рамзи.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ТП — 2008

УДК 82-4
ББК 84-4

ISBN 978-5-295-04508-0

© Р. Х. Насыров, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой не совсем обычной книге, посвященной распространению ислама на Южном Урале и примыкающей к нему территории России — в Западной Сибири, Поволжье, мы не говорим о том, как ислам вошел в кровь и душу башкирского народа, став государственной религией наравне с православием, а лишь повествуем о жизни наиболее выдающихся деятелей ислама конца XIX — начала XX века — шейха Зайнуллы Расули и его сына муфтия Габдрахмана Расулева. Именно в годы их деятельности на земле башкирской были построены каменные здания мечетей, введены новшества в организацию учебного процесса в медресе, обновлены религиозные обряды.

Нам известно, что мусульманская религия основана на следующих трех измерениях человеческого поведения: покорность Аллаху, вера в него и искренность. И раньше, и сейчас эти положения скрепляют собой догматы ислама.

Прежде всего об имане — вере во Всевышнего. Вера включает в себя самые ценные моральные качества человека: душевную чистоту, непогрешимость духа, милосердие к другим. Это и воспитание честности, стыдливости, скромности в детях, порицание бесчестия, наглости, распущенности, которые все чаще дают знать о себе в последнее время.

К сожалению, сегодня наше общество заметно поражено этой болезнью — симптомами безнравственности, невоспитанности и вынуждено искать пути излечения от этих пороков. Одним из способов лечения, на наш взгляд, является возвращение к религии, на долю которой в советское время выпало столько неоправданной хулы и репрессий.

В последние десятилетия со всей остротой встал вопрос удовлетворения духовно-религиозных запросов населения Башкортостана. Именно в этой связи будет полезно изучение жизни и общественной деятельности великого башкирского шейха, философа и богослова Зайнуллы Расулева и его последователей.

Имя шейха Зайнуллы Расулева было хорошо известно как в Башкортостане, так и за пределами мусульманского мира в целом — например, в Германии и Франции. Однако общедоступной литературы о деятельности Зайнуллы Расулева, о суфизме как главной ветви духовной жизни мусульман, в первую очередь Башкортостана, Казахстана и других народов России, не было. В публикациях,

появлявшихся в начале XX века, суфизм трактовался как самая реакционная форма религии, что способствовало ассимиляторской политике царского правительства и мешало росту национального самосознания, национально-освободительного движения народов.

Предлагаемая читателю книга является первой публицистической работой в Башкортостане, которая имеет своей целью устранить этот пробел в нашей общественно-политической литературе. Отметим, что к работе над книгой были привлечены интересные авторы — местные краеведы М. Фархшатов, С. Хамидуллин и Г. Хусаинова. Этим самым общими усилиями этих людей было положено начало освоению многогранной деятельности Зайнуллы Расулева — видного богослова, ученого-философа и врача-целителя, основателя прославленного медресе «Расулия» — центра учебы мусульманской молодежи. Остается лишь надеяться, что это ценное начинание будет продолжено другими исследователями.

По признанию многих исследователей, одним из самых актуальных вопросов изучения культурного наследия мусульманских народов является проблема суфизма. Ибо именно он оказал исключительное влияние на формирование облика всей исламской культуры, развивая именно те институты исламской религии, которые напрямую связаны с культурой. Большое значение, которое придает суфизм индивидуальному преклонению

человека перед Богом, ведет к признанию роли индивидуума и его личного экзистенциального опыта. Идея нравственного совершенствования как единственного пути решения проблемы спасения человека оказалась плодотворной альтернативой сухому риторизму религиозного закона, а попытки претворить эту идею в жизнь обусловили значительные плодотворные культурные последствия во многих сферах духовной жизни мусульманских народов.

Особенно значительное влияние суфизм оказал на культуру тех народов, где он являлся чуть ли не единственной формой бытования исламской религии. Поэтому задача понимания исторического и культурного прошлого народов, например, Северного Кавказа и Башкортостана, без знания теории и практики суфийских братств Накшбандийа и Кадирийа, доминировавших в этих регионах до 1917 года, вообще представляется трудновыполнимой. Затрагивая тему исламской культуры, во многом основанной на принципах суфизма, автор опирался на некоторые мысли кандидата философских наук И. Р. Насырова, старшего научного сотрудника Института философии Российской Академии наук в Москве.

«В последнее время опубликовано немало книг, где объективно освещается картина жизни мусульман в дореволюционной России, — утверждает ученый. В них суфизм предстает не как "наиболее реакционная форма религии", как нас учили в недавнем

прошлом, а как один из главных институтов духовной жизни мусульман, не только помогавших им противостоять ассимиляторской политике царского правительства, но и служивших мощным фактором роста национального самосознания и национально-освободительного движения. Позволим себе сослаться на некоторые факты из биографии Ахмет-Заки Валиди, основоположника Республики Башкортостан, политика, заложившего основы федерального устройства России. Тезис о том, что А.-З. Валиди смог реализоваться как политик и выдающийся ученый только благодаря усвоению им русской культуры, опровергается им самим в его "Воспоминаниях". Судя по его словам, огромное влияние на его духовное и нравственное воспитание оказал суфизм. Именно духовно независимые от царских властей башкирские суфийские шейхи смогли мобилизовать простых башкир в их борьбе за внутреннюю духовную самостоятельность в условиях Российской империи. Это позволило башкирскому народу в годы революции и Гражданской войны в России выдвинуть целую плеяду национально-мыслящих людей, которые смогли в короткий срок создать республику Башкурдистан и армию». И далее: «Что касается суфиеведения в Башкортостане, в частности, и исламоведения в целом, то они влачат жалкое существование. Философы даже не удосуживаются обратить внимание на суфийское наследие в нашем регионе, поскольку они полага-

ют, что изучение философско-религиозных взглядов древних греков, немцев, китайцев и индусов является делом более важным. Считается, что изучение суфизма — удел только филологов и историков-краеведов. Последние же, не владея арабским и персидским языками, не имея необходимой философской и исламоведческой подготовки, не могут вырваться за рамки идеологических предубеждений, подменяют реальное изучение суфийских текстов голым декларированием о "мистико-созерцательной сущности суфизма", приводя наспех надерганные цитаты из других книг».

В книге, к сожалению, не нашли освещения все вопросы духовной деятельности шейха Зайнуллы Расулева, тем не менее можно отметить: в настоящем издании достаточно полно и объективно освещена жизнь этого выдающегося человека.

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь и инициативу в сборе материалов для книги руководителю Управления «Россвязьохраны культуры по РБ» С. А. Кильдину, редактору газеты «Киске Өфө» Г. Г. Янбаевой, заместителю редактора этой же газеты А. Г. Утябаеву.

НЕ ЧАСТНАЯ БИОГРАФИЯ

Шариповский предсказатель посоветовал: «Сноха, береги свой плод, там лежит ребенок, который станет ишаном».

Из народных преданий

В конце XIX — начале XX века одними из самых влиятельных личностей среди мусульман Башкортостана и Казахстана были, пожалуй, братья Расулевы, вышедшие из деревни Шарипово (старое название Авяз. — *Авт.*) Тунгатаровской волости Троицкого уезда Оренбургской губернии. Вот как оценивал профессор Калифорнийского университета Хамид Алгар одного из Расулевых — Зайнулу-ишана: «Бесспорным лидером среди шейхов Халидийа в Волго-Уральском регионе был башкир Зайнулла Расулев. Издаваемый в Оренбурге журнал "Вакыт" в своем некрологе по случаю смерти Расулева назвал его "духовным королем своего народа". З. Расулев был незаслуженно забыт историками, исследующими "татарское" (надо понимать: башкирское. — *Авт.*) интеллектуально-духовное возрождение в XIX веке, которое будто осуществлялось личностями, состояв-

шими сплошь из секуляризованных рационалистов. По степени и глубине своего влияния З. Расулев превосходит многих из тех личностей, и его карьера свидетельствует о продолжающемся влиянии братства Накшбандийа на башкир и татар вплоть до большевистской революции».

В свое время многие печатные издания интересовал жизненный путь великого ишана. Например, газета «Вакыт» в 1917 году о нем отозвалась так: «Зайнулла-хазрет — самая известная, самая уважаемая личность во внутренней России. Не будет ошибкой сказать, что такого прославленного и авторитетного человека еще не было в последнюю эпоху. Его слово в свое время для каждого человека было равно закону-шариату. Если велела совесть, он в открытую говорил то, что хотел. К концу каждый считал и уважал его как высокочтимую личность и ученого. Зайнулла-хазрет отдал много сил для того, чтобы распространить религию и культуру в Казахстане. У него есть несколько печатных трудов. Они,

Обелиск, установленный в Шарипово на месте, где стоял дом Расулевых. 2002 год

хоть и не имели великого научного значения, в свое время читались с любовью и выполнили свою службу».

А газета «Куяш» («Солнце») опубликовала заметку, завершив ее такими словами: «Человек с широкой душой, щедрой рукой, благодушный собеседник, он и в конце жизни не забывал о медресе. Стронув с места вопрос о материальном обеспечении его, на строительство вышеназванного медресе он внес от себя 10 тысяч рублей».

В этом же печатном органе имам Кашшаф Таржемани писал следующие слова: «Одной из великих заслуг Зайнуллы-хазрета перед нацией надо считать защиту им и распространение новых способов обучения в школах. При строительстве нового здания медресе "Мухамадия" в Казани первым строительный камень положил Зайнулла-ишан». Там же: «Зайнулла-хазрет высоко чтил своего учителя Шигабетдина аль-Марджани-хазрета. В годы, когда многие муллы выступали против Марджани, покойный хазрет каждый раз защищал его и, вооружившись книгами, говорил (о любви) к нему как о своем завещании людям».

Высоко отзывался и всю жизнь преклонялся перед З. Расулевым и Ахмет-Заки Валиди: «Наша семья поддерживала тесные связи с муллами. Это прежде всего известные шейхи Шарафутдин и Камал Нагай из Стерлитамака... Габдулла Саид из восточно-уральского аула Муллакай, ишан Зайнулла из Троицка. Эти люди читали книги, знали арабский

и персидский языки, религиозные науки, принадлежали к бухарской общине Накшбандийа, содержали медресе. Как мулла Вали, так и мой отец, почти не общались с необразованными и фанатичными муллами. Из названных шейхов самыми учеными были Зайнулла из Троицка и Габдулла из Муллакая... Это были уважаемые люди, осведомленные в политике», — писал он в своих «Воспоминаниях» (М., 1997. С. 12–13).

«В 1906 году мне очень польстил ишан Зайнулла, — писал Валиди там же. — Несмотря на мой юный возраст, он разговаривал со мной как с равным. Как-то за утренним чаем я ответил, как мог, на его очередные вопросы. Он при всех протянул мне золотую десятирублевую монету: "Купи себе что-нибудь". Я пошел в татарскую книжную лавку и купил один из трудов Газали по критике теологии, книги об исламском обществе и философии, изданные в Египте и Стамбуле, книги по астрономии и физике, "Крейцерову сонату" Толстого и другие русские романы в переводе на арабский язык; для изучения французского языка купил турецко-французский разговорник; а в русской книжной лавке приобрел произведения о большом голоде в наших краях в 1891 году (вероятно, опечатка, т. к. Валидов родился 10 декабря 1890 г. — *Авт.*) — году моего рождения.

Через несколько дней шейх спросил, на что я потратил деньги. Я перечислил ему купленное. Он одобрил: "Русский ты знаешь,

Хабибназар Сатлык, дядя Ахмет-Заки Валиди по материнской линии, преподаватель медресе Ш. Марджани в Казани, с которым Расули-ишан поддерживал тесную связь (из фотоархива). 1921 год

выучишь еще французский, будет хорошо". Ему понравилось, что я купил книги по физике и астрономии. Похвалил он меня и за Толстого. Оказывается, шейх дал деньги, чтобы испытать меня... Положительные отзывы обо мне человека, столь уважаемого в нашей среде, вдохновили меня на занятия наукой... Если бы не погладил меня тогда шейх, я бы в свои 15 лет занялся торговлей и мог стать приказчиком» (М., 1997. С. 34).

В конце XIX — начале XX века люди потоком шли к Зайнулле-ишану за советом и благословением. Пешком и верхом — на лошадях и верблюдах, со всех концов необъятной страны тысячами стекались они в Троицк. Его многочисленные мюриды, растекаясь по всем мусульманским городам и весям, приумножали славу Зайнуллы-ишана. Неудивительно, что в последние годы, когда с имени Зайнуллы Расули была снята печать забвения, историки, исследовавшие его деятельность и жизнь, поставили его в один ряд с такими учеными и литературными деятелями, как Аль-Фараби, Ибн-Фадлан, Лев Толстой, Жан-Жак Руссо, Шигабетдин Марджани.

В наши дни, когда отмечается 175-летие со дня рождения Зайнуллы Расулева, еще яснее просматривается масштабность его деятельности. Собранные материалы, высказывания прогрессивных деятелей прошлого позволяют нам утверждать, что шейх Зайнулла Расулев был не просто имамом, а великим башкирским философом, просветителем, суфийским шейхом-богословом, врачом-це-

лителем, широко использовавшим в своей практике тибетскую медицину и гипноз, и почитался чуть ли не пророком. Он боролся за счастье всех мусульман России исключительно религиозными, образовательными и культурными методами и заслужил огромную благодарность простых людей.

...Слава Зайнуллы-ишана была большая. Но биография его для многих была неизвестна. Не случайно обратил на это внимание и великий историк и богослов, один из учеников Расулева — Ризаитдин Фахретдинов: «Если хватит жизни, будем собирать данные, появляющиеся каждый день, а потом все вместе опубликуем. А собирать сведения означает изучение официальных бумаг. К сожалению, хотя мы и нашли его "Дело" в архиве Уфимского Духовного собрания, все записи были утеряны во время обыска. Я слышал, что комиссия передала их в архив губернатора. Надеемся, что когда-нибудь "Дело" шейха Зайнуллы будет рассмотрено на собраниях Архивной комиссии. Мусульмане, придав особое внимание этим работам, постараются опубликовать их на тюркском или арабском языках».

Ризаитдин Фахретдинов раскрывает и смысл публикации работ Зайнуллы-ишана, говоря: «Изучение законов морали и нравов, содержащихся в этих записях, обмен мнениями о его мыслях являются единственными пособиями (для нас). Жизненный путь шейха Зайнуллы имеет значение не как частная биография, а как страница всей нашей истории».

Деревня Шарипово, где родился З. Расулев. 2008 год

Но все это будет потом. Слава придет к Зайнулле-хазрету гораздо позже. А сейчас, желая внести хотя бы небольшую лепту в дело изучения жизни ишана и с этой целью прогуливаясь по ухабистым улочкам в его родной деревушке Шарипово, вглядываясь в утесы Нарали и Уйташ, что высятся неподалеку от старых хибар, в одной из которых жили Расулевы, я не раз задавался одним и тем же вопросом: неужели среди подобной, в общем-то ничем не примечательной, природы мог родиться такой великий человек, коим оказался Зайнулла-ишан? Что повлияло на рост и развитие обыкновенного шариповского мальчишки? Вопросы возникали один за другим. Но в ответ лишь ветер гладил лицо и волосы. Сколько раз я убеждался: в объятиях природы человек черпает мудрость, укрепля-

ет свой дух в радости и печали, преодолевая препятствия, пересиливая свой гнев. И лишь преодолев все трудности, он вправе наставлять других. Потому целесообразней всего будет окинуть еще раз с детства знакомые уголки родного края и попытаться выяснить, насколько это возможно, происхождение далеких предков Расулевых: как и когда появились они на этой грешной, но тем не менее самой любимой земле?

Чтобы как-то ответить на этот вопрос, касающийся передвижения родов и племен, среди которых были и предки ишана, потребовалось немало лет. Как выше было отмечено известным просветителем и ученым Ризаитдином Фахретдиновым, официальные документы о З. Расулеве были изъяты, воспоминания самими Расулевыми, по причине постоянных преследований и гонений, не были написаны; если и написаны, преданы

Улица деревни Шарипово, где жила семья Расулевых. 2008 год

Наралинские горы. 2008 год

забвению. А что же осталось? Осталась память людская, в первую очередь, земляков хазрета. Они-то и пришли на помощь автору.

Наши добровольные помощники привели немало примеров того, как жил и общался Зайнулла с верующими, какие ценности пропагандировал. Автору посчастливилось встретиться со многими его родственниками, общаться или переписываться с ними. Они охотно делились тем, что сохранили в своей памяти. И так постепенно выстраивалась целостная картина жизни шейха и его ближайших родственников.

Так что я был неправ, когда говорил, что молчала окружающая Шарипово природа и «лишь ветер гладил лицо». Нет, и Большой Сиратур, и плоскогорье под ним, названное почему-то «Китай», и Наралинские отроги, куда приезжали казахские охотники для

отлова беркутов, и заброшенное «Кладбище великанов» («алпамышей») буквально перед домами ишана, и могилы святых, которых наберется вокруг деревни три-четыре, — все говорило о таинственном прошлом этого края. Юный Зайнулла с интересом вникал в историю и предания родимого края.

Удивляли Зайнуллу и рассказы его отца Хабибуллы о том, как вытекают из-под гор Уральского хребта малые реки — то светлые, как слеза, то белые, как молоко; как одни устремляются на запад, другие — на восток. Семь или восемь речушек — и все, считай, недалеко от Шарипово.

Думы его, вслед за речушкой Уй и соседней рекой — Миассом, уходили через казачьи степи в сторону Троицка и дальше к берегам Тобола и возвращались обратно к горам. Как хотелось, поднявшись по крутому склону, лечь на острые стены из камней и взглянуть на ту, неизвестную сторону: что же там прячется — не темная ли сила? Нет, только леса и равнины Предуралья! Но оттуда на Шарипово плывут и плывут черные тучи — как будто бы там, где дымят заводы Усть-Катава, Златоуста и Сатки, собираются неведомые грозные силы, готовые обрушиться на башкирские деревни. Это, понятно, лишь впечатления, оставшиеся с детства. А, может быть, они — отзвук событий, происходивших на восточных склонах Уральского хребта еще 170 лет назад — кровавых битв с захватчиками.

ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ-ЗА ГОР

В молитвах своих чаще всего просите мира и спокойствия.

Из хадисов Пророка

Надо полагать, что до ушей Зайнуллы и его брата Фаткуллы, хотя те и были еще малы, доходили вздохи отца, и они судорожно хватались за уздцы, пытаясь вскочить на коня и пуститься в дорогу. Нет, Зайнулла был еще мальчишкой, чтобы взять в руку острую саблю, тем более Фаткулла. Но они понимали, что там, в горах, с царскими солдатами насмерть бьются башкирские джигиты. Род куваканцев поднял на битву Бепеня-хазрет Трупбердин. Сам мулла, сам и боец. Рядом с ним плечом к плечу сражался Юсуп Арыков, вождь барынцев.

Но недолго могли сдерживать башкиры натиск пришельцев, хлынувших из глубин России, вооруженных пищалями и чугунными пушками. Они вынуждены были спуститься к берегу Зюраткуля и, переплыв озеро, оставить плодородные земли вокруг Златоуста и Сатки, пастбища, которые тут же были заняты заводчиками. Незваные гости стали рубить лес и строить дымные предприятия, а местные жители, спасая жизнь, направились на юг, к Иремелю-батюшке. Ненадолго задержались и здесь — что-то не понравилось им, перекочевали опять, но и тут не угодила

природа: то засуха, то беспрерывные дожди. Хмурился Иремель, несло от него холодом. Старикам не понравилось то, что речки до дна замерзали зимой — неоткуда было брать воду. И решили куваканцы двинуться дальше. Не доходя до стойбищ катайцев и кубалякцев, обходя высокие хребты, резко повернули на восток, а потом на север. Часть кочевий — например, Суюндуково, все же осела здесь, но остальные продолжили свой невеселый путь, поближе к старым сородичам — барын-табынцам. И тут разделились на несколько групп: одни освоили верховья Яика, другие осели на небольших делянках между Уйташем и Малым Ирендыком, третьим полюбились берега реки Уй.

Так наконец оправдался этот переход рода Кувакан к барынцам, они еще в древности сообща пришли с Алтая друг за другом на Южный Урал. Правда, первые обосновались в теснинах гор, а вторые — чуть позже и несколько южнее, на восточных склонах Уральского хребта, переходящих в ковыльные степи. Но два рода никогда не теряли из виду друг друга. Когда усиливались притеснения, куваканцы находили приют у барын-табынцев. Как одни, так и вторые в годы опасностей жались к горам, словно малые дети к своей матери. Даже в засушливые годы горы и леса давали взамен хлеба и мяса ягоды, съедобные травы — саранку, кислицу, болотный лук.

СВЯТЫЕ МЕСТА

Все созданное Аллахом прекрасно, хотя люди не всегда это понимают. Самый лучший напиток и на том и на этом свете – вода.

Из хадисов Пророка

Зайнулла еще в молодости понял, что природа все-таки щедра. В начале века — да и почти всегда не хватало хлеба. Но речка Уй, что текла в двадцати шагах от дома под невысоким яром, уже напевала песню о грядущих лучших временах. Она, сбежав с соседних гор, как шаловливое дитя, прыгала с камня на камень, весело била по берегам, петляла вокруг деревни и, найдя небольшие заводи, на минуту успокаивалась. Мальчишки барахтались в этой мелководной речушке или, закатав штаны, искали под камнями налимов. У самых шустрых были памятные места: или мальчик здесь чуть не утонул, или кто-то его крючком зацепил, или он постоянно удил здесь рыбу. Они так и остались в памяти, переходя от одного поколения мальчишек к другому.

Над омутами веселой гурьбой шумела ольха, приглашая прохожих под тень, а вечерами окрестности оглашались пением соловьев и кукушек. Любил их слушать Зайнулла: выйдет за ворота — и он уже словно в саду.

По правую руку, если смотреть с востока, в низине красуется Аушкуль. На каменистые, из яшмы берега его оперлись богатырские «ноги» высокой горы. Над вершиной кружатся птицы, среди камней покоится могила святого, прежде странствовавшего, распространяя по свету ислам. Он пришел якобы из киргизского города Ош, но, исполняя святое дело, стал жертвой местных фанатов. Когда люди поняли, что совершили непоправимую ошибку, тело странника подняли на гору и похоронили «святым Рамазаном». И деревня неучей получила тогда название «Ауш». У подножия горы каждый год пробивается из-под земли вода «зям-зям». Из Казахстана, Сибири — со многих мест добираются сюда люди, дабы испить святой водицы.

Жизнь Зайнуллы напоминает этот источник. Со временем будут добираться к нему странники — дервиши, больные, чтобы по-

Аушкуль и гора со святой водой

слушать его добрые советы, наставления, излечиться. Но иногда почувствуют и твердый, жесткий характер старика, глаза потемнеют дочерна от гнева, напомнят грозовые тучи с молнией над горой Ауш. Пока ты молод, приятно спуститься к речке, сесть на нагретый солнцем камень-яшму и плести что-нибудь из гибкого весеннего краснотала. Подражать старым мастерам, которых немало в деревне; или слушать прибаутки сэсэна Махмута, напевы кураистов — вон хотя бы соседей Тулькубаевых или попросить кого-либо из Муратаевых (тоже из племени Кувакан), любой из которых крякнет для приличия и тут же затянет свой любимый «Урал».

Все это — и печальные, заунывные старинные песни и философские, легко исполняемые мунажаты, Зайнулла впитывал в себя вместе с молоком матери. Он мог сладить тележку, сплести снасти для ловли рыбы, короб или корзину для гусей. Однажды зимним вечером он увлекся чтением «Афтияка», забылся совсем. А Фаткулла, простуженный, болел, сильно кашляя, лежал на печи. Печь была высокая, широкая, занимала четверть избы. Случалось, там умещалось трое-четверо ребятишек. Если их не было, то там обычно сушили березовые щепки для растопки. Так вот, на месте малышей сейчас лежал Фаткулла и что-то мастерил. Зайнулла долго смотрел на него снизу вверх, раскрыв рот. Фаткулла подмигнул брату и, закончив дело, протянул... курай. Вот молодец! Где же научился? К сожалению, Зайнулла не умел

играть на курае. Тем не менее какой был восторг! Ему вдруг почудилось, что вся музыка Вселенной, плач голодных детей, жалобный вой разного зверья — все звуки слились воедино и спрятались внутри этой дудочки. Но как их вынуть оттуда? Боже, помоги!

Там, наверху шуршал щепками Фаткулла и усмехался: — «Эх, ты, неумейка. Дай-ка сюда». Он забрал курай себе, приложил губы к одному концу, на другом конце начал перебирать пальцами. Те звуки, которые издавала тростиночка, конечно, нельзя было назвать музыкой, но все же...

Фаткулла хвастливо подмигнул брату и растянулся на печи.

Так проходило детство, на виду у рек и озер. Однажды отец взял Зайнуллу к Карагайташу, где берет начало Уй. Долго ехали, направляясь к хребту. А потом пробирались пешком куда-то вверх, через лес, по камням. Ступать трудно, того и гляди покатишься вниз. Захотелось пить. Наконец что-то заблестело. Кипит и бурлит. «Вот он, божий дар — вода, — подумал мальчик. — Источник жизни для всех страждущих».

Через урочище «Батмакай», поляну «Ямазы», которые стали общими и для барынцев, и для куваканцев, медленно зашагали домой.

— Запомни, сынок, эти святые места, — сказал отец Зайнулле и указал на север, ткнув пальцем куда-то в синие горы. — Там Наразбика. Не знаю, почему так назвали. А дальше — Куяш. По сути там, примерно там,

может, чуть-чуть левее — наша древняя земля. Земля наших предков. И это запомни... Нас согнали оттуда кафыры.

Осенью, как только осыпались листья, они вторично побывали в этих местах. Посетили родник, посидели, попили хрустальную воду. Отец, вернувшись к телеге, взял из-под сена ружье, прошелся по скалам. Он, кажется, хотел встретиться с хозяином этого дикого края.

— Не боишься? — спросил Зайнулла отца, словно ровня ему, хитро прищурившись. — Как поступишь, если на твоей тропе появится косолапый?

— Как поступлю? — хорохорился отец. — Возьму да и стрельну.

Зайнулла, провожая отца на охоту, молил Бога, просил Всевышнего предостеречь от несчастья, ибо кровь никому не нужна; пусть же лохматый по-прежнему охраняет наш святой родник; да и отец, хоть и взял в руки огнестрельное оружие, вовсе не охотник, по наблюдениям сына, он, скорее, книжник, мягкий в душе человек.

В мае, как только земля освобождается от снега, весенние ручьи и речки, утихомирив свою шалость, успокаиваются в своих берегах, а на склонах гор появляется трава, и вся природа одевается в зеленый наряд, молодежь, если ничем не занята, идет на Уйташ. Хоть жизнь и нелегка, это вошло в привычку. Поднявшись на самый верх, до вечера ходят в этом своеобразном музее, восхищаются фантазией природы: вот каменный шалаш —

заходи, пожалуйста, посиди и отдохни в тишине, а вон, внизу, на лужайке как будто специально соорудили каменный стол — присядь, попей чайку. Рядом поднимается отвесная стена и местные «батыры», рискуя жизнью, поднимаются по ней и оставляют какие-то знаки. Самое удивительное наверху, на ветру. Там на вышине сверкают чаши с дождевой водой. Рядом нет ничего, что бы могло отразиться в воде. Одни облака «плавают» в ней. Трудно удержать восторг, невольно кричишь: ого-го! Эхо отдается далеко в горах. И вдруг, усиливая эхо, раздается грохот внизу. Это из-под чьей-то ноги сорвалась глыба в пропасть, где растут леса. Не те ли это леса, где укрывался сто с лишним лет назад Карасакал, — батыр, поднявший башкир на восстание, мулла, одним из первых побывавший в Мекке и Медине и получивший звание хажи?

Пока его товарищи бегали по камням, Зайнулла, не в силах унять волнение, уединился в каменной кибитке, помолился. Но тут приблизилось несколько подростков.

— Что ты сбежал от нас? — спросили его.

— Не сбежал. Садитесь вот сюда. Я расскажу вам, что слышал от отца... Вон, видите — внизу есть укрытие. По-моему, там и прятался от властей Карасакал.

— Скажешь тоже.

— Да, истинная правда.

Не один Карасакал, но и Карас, сэсэн из рода Тиляу. То ли тут на берегу, возле воды, то ли в Кинзекее (скорее, там, среди людей)

поселился он. Так и запомнил его народ и, говорят, «жил он на Уйташе». Воевал вместе с джигитами-башкирами, а когда нужно было бежать — убегал, скрывался в этих лесах. Мудрый был человек. Он говорил, что война — удел страны. Чтобы воевать, нужен народ, масса людей, ибо один в поле не воин, одному победы не видать.

— Сказку, наверное, рассказываешь, Зайнулла.

— Почему сказку? Но и то правда: некоторые слова его действительно кажутся загадкой. Например, он говорил: «Много тополей на Урале, но начнешь их разрезать — начинает сочиться кровь. А пещеры заняты волками. Там они наплодили волчат. Уши лошадей мечены, на крупах тавро. Собаки, что лают по ночам, убиты. А есть одежда, на которую можно наложить заплату? И этого никто не знает. Ведь куропатка еще не села на верхушку дерева».

Подростки, слушая Зайнуллу, остались в недоумении: ничего не поняли. Молитву читает, что ли? Или с ума сходит парень?

Но тут вошел в кибитку Фаткулла и намекнул, что Зайнулла, как он понял, говорит о лесах, обагренных кровью, о народе, чьи сыновья наказаны и отосланы в дальние края. Иначе говоря, обижен народ и придет время, снова поднимутся мусульмане на борьбу.

Подростки еще посидели у каменного шалаша, вскипятили чай. Тем временем Зайнулла поднялся еще выше на утес. Показались, кроме Шарипово, деревни Балбуково,

Кинзекеево, ставшее Вознесенкой... Любуясь простором, вдыхая уральский холод — воздух долин и лесов, Зайнулла словно обрел крылья. Захотелось взвиться в облака. И он невольно крикнул: «Слава Аллаху!» — и тут же продолжил: «О Туксанбай! О Султанай!»

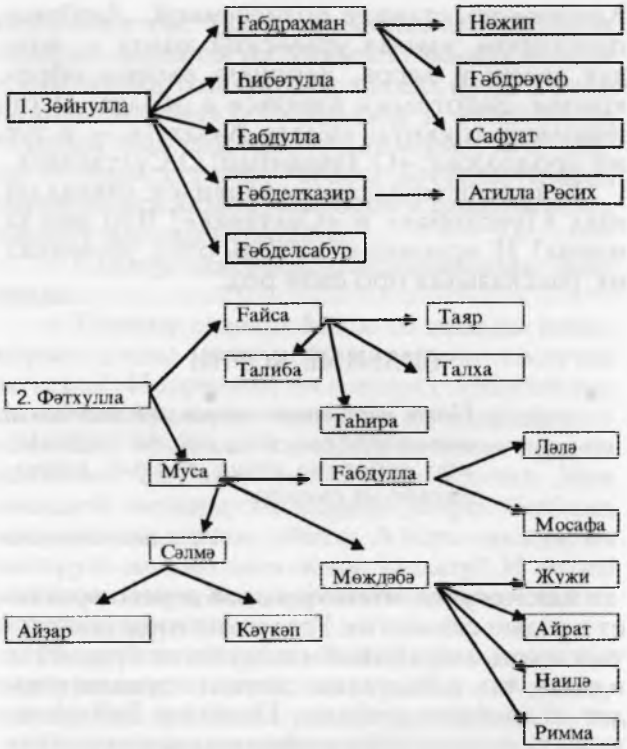
Когда опомнился, сам удивился: откуда он взял «Туксанбая» и «Султаная»? Что это за имена? И вспомнил: да ведь отец упоминал их, рассказывая про свой род.

СИЛЬНЫЕ КОРНИ

Пока еще живы ваши наставники, запишите все, чему они вас научили, ибо забвение этих знаний равносильно их смерти.

Из хадисов Пророка

Как могучее, многовековое дерево врастает в седые скалистые Уральские горы и зарастает мхом, лишайником и особо не бросается в глаза, так и Расулевы своими корнями уходят к древним шейхам. Поэтому Зайнулла-хазрет относил себя в восемнадцатом колене по прямой к знатному шейху — Туксанбею, жившему в XIV веке. Через семь-восемь поколений идут: Султанай → его сын Гашик → сын Байрамгул → его сын Муса → и, наконец, его сын Расуль, башкир из рода Кувакан. Его шежере, опубликованное впервые Ризаитдином Фахретдиновым на страницах журнала «Асар», выглядело так (при этом он опирался на сведения, присланные из села Ахуново



Родословная Расулевых

Мусой-хажи Расулевым, племянником ишана. — *Авт.*): Уразгали → его сын Тупей → его сын Мураткабул → его сын Султанай → его сын Гашик → его сын Байрамгул → его сын Муса → его сын Расуль → его сын Хабибулла → его сын Зайнулла.

«Сведений о более древних предках нет», — такими словами Р. Фахретдинов завершает родословную Расулевых. Однако уфимский краевед Фасхетдин Илбулдин, один из исследователей истории южного Башкортостана, сумел докопаться и до более глубоких корней его рода. В документе, обнаруженном им, повторяются семь вышеперечисленных поколений до Султаная и с небольшими изменениями восходят еще дальше к древности (читать справа налево):

...Ята → его сын Уралбей → его сын Мангут → его сын Серке → его сын Шихмис Мунтай (эпоха Чингисхана) → его сын Канлы (на Алтае) → его сын Туксанбей.

В ДОРОГУ

За знаниями не ленитесь идти даже в Китай, – сказал Пророк. – Потому что приобретение знаний есть главнейшая обязанность мусульманина...

Из хадисов Пророка

Прошли годы, Зайнулла стал юношей. Как вода, разливаясь, покидает берега, так и его сверстники разбрелись кто куда. Завершив учебу в родной деревушке и получив благословение отца и матери, Зайнулла собрался в медресе деревни Малай Муйнак. Отец еще до рассвета запряг коня-стригунка, к сожалению, не успел подковать его. А земля мерзлая,

дорога скользкая. Не дай Бог, лошадь упадет. Особенно трудно было преодолеть глубокую колею, колдобины у озера Карагайлы. Не успели приехать из-под Тулы и из других губерний русские «контрашные» и освоить новые места, сразу же набросились на озеро, стали ловить рыбу, а ее здесь было видимо-невидимо, и тут же Карагайлы переименовали на свой лад — «Ворожеич». Жалея свою лошадь, отец то и дело соскакивал с повозки и подставлял плечо скотине, помогая ей встать на ноги. А вот и оно, их село Вознесенка.

С опаской вглядывался Зайнулла в окна, словно кто-то, скрываясь, подстерегал их. И не мудрено, их с малолетства пугали и предупреждали: «вон, по улице урус идет», «вот отдадим тебя урусу, если не будешь слушаться...». Впрочем, как не раз убеждался он, и русские пугали своих детей: «Вон, бабай идет, прячься скорее». Люди одной нации были врагами другой нации, хотя Бог-то для всех един.

С чего началась вражда? По мысли Зайнуллы, с того, что сто лет назад сюда ворвались войска царя, истребляя «воров башкир». Отец рассказывал, что средь зимы, в сорокаградусный мороз погнали женщин и детей за Уйташ и Сиратур, а потом, за неимением лошадей, встав на самодельные лыжи, гонялись за людьми, охотились, как на зверей. Отец, рассказывая об этом, не скрывал своих слез.

Однажды заплакал навзрыд, сжимая натруженные, кривые пальцы в крепкий кулак.

А почему истребляли башкир? Потому, что коренные жители проявляли недовольство тем, что царские чиновники нарушали условия договора, заключенного между Россией и башкирами. Писали одно, делали другое. Сами воровали, грабили, греховодничали, а все беды сваливали на неграмотных людей, называли их «ворами».

В конце концов, сказывал отец, восстали башкиры. Одним из центров бунтовщиков стала деревня Кинзекеево. Здесь стали собираться батыры и старшины родов. Из куваканцев приезжал мулла Бепеня Трупбердин.

Ничего опасного не встретили сейчас Зайнулла и его отец. Благополучно выехали за Вознесенку, и их взору открылось заброшенное поле со следами старого жилья. Скорее всего, не там, где сейчас обосновалась Вознесенка, а на ее околице, на пространстве до речки Янбика, располагалось Кинзекеево. А сами жители перекочевали дальше, за два-три километра, дав начало новой деревне.

На ровной, без колдобин, дороге (здесь проходила «ямская дорога», иногда проезжал и губернатор, она содержалась в образцовом порядке) Зайнулла и сам не заметил, как задремал. Когда проснулся, они уже проехали кладбище и въезжали в селение.

— Вот он, твой Малай Муйнак, — радостно сообщил отец.

— Доехали, слава тебе, Аллах, — равнодушно подумал юноша. Взгляд его остановил-

ся на высоких сине-бурых горах в том конце села. Широкая дорога в середине селения резко поворачивала направо, а там был деревянный мост. Дорога дальше бежала в березовый лес. В конце улицы толпился народ. Очевидно, это были шакирды из ближайших деревень, тоже с отцами.

У башкир не принято открыто проявлять чувства. Но вдруг что-то защемило в груди юноши, и он неожиданно прослезился.

— Ты что это, джигит? — удивился отец. — Плачут только урусы, да и то не все, а только женщины. Ты же мусульманин. Тем более перед тобой — двери медресе. Не дай Бог, твою слабость увидит Якуп-хазрет.

Через час-другой Зайнулла сам зашел к этому известному ученому человеку, хальфе, в сопровождении родителя. Отец и учитель, присев и прочитав вместе молитву, познакомились. Отец сделал подношение звонкими монетами, передал гостинцы в мешочке и что-то негромко сказал. Хальфа вежливо улыбнулся. Опять присели на стулья, погладили лицо и усы. На этом все и кончилось. Теперь Зайнулла стал шакирдом Малай-Муйнакского медресе.

Якуп-хазрет оказался поистине ученым и приятным человеком. О нем говорили, что он долгое время служил в Оренбургских пограничных войсках в чине зауряд-сотника, познал немало трудностей в жизни. После завершения службы его хотели оставить писарем в армии, но Якуп упросил, чтобы его направили учителем в родные края.

Участвовал ли зауряд-сотник Якуп в Отечественной войне 1812–1814 годов, Хабибулла не интересовался, хотя и гнал Наполеона до самого Парижа и прибыл живым-здоровым домой. В Ауше Сайфетдин Кызыргалин, в Суюндуке Абдулвахит Итжимасов как-то рассказывали, якобы Якуп Зайникеев тоже мерз в окопах и бросался в атаку вместе с ними. В русской армии было двадцать восемь башкирских полков. 18-й полк состоял из башкир 4-го кантона. Его повел на битву с французами Мухаметжан Бузыкаев. В одном из сражений, он, кажется, был ранен, но выздоровел и одним из первых ворвался в столицу французов. Какой был молодец!

Хабибулла, размышляя об этом, возвращался домой из Малай Муйнаково. А вот в каком полку служил тогда зауряд-сотник Зайникеев — в 18-м полку или в 14-м, чьи воины были награждены несколькими орденами «Святой Анны», — спросить не догадался.

«Надо будет рассказать об этом Зайнулле», — подумал Хабибулла. — Да, впрочем, начальника кантонного управления и сам увидит: живет недалеко от медресе. Бузыкаев, важный, пышущий здоровьем шестидесятилетний старик, частенько проезжал через Шарипово в сторону Мулдакаево и обратно. Накануне его приезда глашатай в Шарипово громко объявлял: «Кантон едет, кантон!» Подметали, чистили улицы. Вот он показывался на паре игривых лошадей, запряженных в кошевку. Под дугами бренчали колокольчики, веселя душу.

Молодец все же старик, не зря ел казенный хлеб: считай, в каждой деревне построил или магазин, или мечеть. Упорядочил землепользование в кантоне, оттеснив немного население деревень Кужай, Курамино, пустил на их пастбища скотоводов Шарипово и Азнашево. Спор вышел небольшой: кужаевцы не захотели полностью подчиниться приказу Бузыкая — взяли да и поставили свои дома на вспаханную землю между Азнашево и Шарипово. Но постепенно пришли к общему согласию. Только вот новая беда: кругом начали рыть и искать золото, тальк. Как их приструнить? Это был извечный, нерешенный вопрос.

До Мухаметжана Бузыкаева начальником кантонного управления были двое. Первый — Тухват Утяев. В царской армии прислуживал офицерам — шил мундиры для них. Своим мастерством угодил властям и стал начальником кантона, любил брать взятки. «Дурачок, — вспоминал Бузыкаев, — вместо того, чтобы угождать своему народу, начал над ним издеваться, сгонять с насиженных земель. Попался на взятках и был сослан в Сибирь».

Вторым был Абдулнафик Кутуев, и вот третий он — Бузыкаев. Уже тридцать лет на этой должности. Когда назначали, ему было 28 лет.

...Зайникеев Якуп, оценив способности нового шакирда, увез его с собой из Малай Муйнака. Но, несмотря на неоднократные просьбы Зайнуллы разрешить ему по окон-

чании медресе продолжить образование в Троицке, не получил благословения. У имама на него были свои виды: он видел Зайнуллу учителем в своем медресе, где обучалось свыше ста шакирдов.

В конце концов, по совету друга — шакирда по имени Мухаммет, он сбегает от любимого учителя в уездный центр, где в 1851 году поступает в медресе Ахмет бин Халид аль-Минкари при прославленной мечети Яушевых. Молодого шакирда завораживали выступления Ахмета-хазрета. Здесь Зайнулла привлек внимание Ахмета-хазрета и других учителей тем, что быстро усваивал предмет и обучал нескольких шакирдов. Не зря же Якуп-хазрет в селе Ахуново так полагался на Зайнуллу.

В годы учебы в Троицке Зайнулла проживал в пансионе, который находился рядом с медресе. Медресе работало за счет средств богатых казахов и купцов-мусульман Троицка. Для шакирдов обучение было бесплатным. Они были обеспечены жильем, питанием, одеждой и книгами. Для поездки шакирдов к родственникам медресе выделяло деньги на дорожные расходы. «Год 1851 был очень важен для нашей большой семьи. В этом году состоялась первая встреча и знакомство двух хазретов — Ахмета-хажи Рахманкулова, шейха Суфийского братства Халидийа Накшбандийа, и молодого Расулева. Эта встреча и знакомство имели большое значение в дальнейшей судьбе Зайнуллы и судьбе моих родителей. Ахмет-хажи — отец моей мамы, —

писала мне из города Челябинск одна из внучек ишана Сафуат Рахманкулова. — Расулев же — отец нашего отца. Зайнулле было тогда восемнадцать, а Ахмету-хажи Рахманкулову, уже известному религиозному деятелю ислама, Суфийского братства Халидийа Накшбандийа, — тридцать лет».

Каким был Троицк, когда Зайнулла приехал сюда для продолжения образования? Кто тот человек, в медресе которого он хотел обучаться?

Город Троицк был основан в 1743 году на пересечении караванных путей вблизи от казахских степей и башкирских земель. Троицк был русским торговым городом, но мусульмане селились здесь еще до основания города. Вначале освоили его мусульмане — купцы, ремесленники, строители, портные, сапожники. Одновременно с ними поселились и служители ислама. Основателем первого медресе был Ахмет бин Халид аль-Минкари, шейх Суфийского братства Халидийа Накшбандийа. Это медресе было первое не только в Троицке, но и на всем Среднем Урале и в Зауралье, оно сыграло большую роль в подготовке имамов для Казахстана и Башкортостана.

В первой половине XIX века в Троицке было 4 мечети, медресе, 4 школы для мальчиков, библиотека для мусульман и лазарет. Русский торговый город благодаря педагогической и религиозной деятельности шейха Ахмета-хажи, поддержке купцов-мусульман

стал настоящим центром исламской культуры. Здесь было для мусульман несколько харчевен, постоялый двор. Вот в такой центр мусульманского образования и культуры Расулев приехал в 1851 году для продолжения учебы.

«Среди учителей Зайнуллы был Мухаммет Шарбен Мирас, имам 2-й каменной мечети, который славился мастерством чтения Корана. Однако его главным учителем стал Ахмет бин Халидийа.

Неплохо пошли дела у молодого шакирда. Но вскоре Троицк стал тесноват для беспокойного, пытливого юноши. И в один прекрасный день он вместе с караваном отправляется в Бухару. Но с полпути, окоченев от мороза, едва живой, Зайнулла возвращается назад. В 90 верстах от Троицка он был арестован полицией: у него не было документа, удостоверяющего личность. К счастью, случайно встретившийся шакирд Сафа узнал Зайнуллу и, по ходатайству отца, «арестанта» освободили. Однако дело начинало принимать крутой оборот. Узнав, что беглец вернулся домой, директор вызвал к себе Ахмета бин Халидийа:

— Ну, что скажете, дорогой, о своем любимце?

— Вернулся — это прекрасно.

— Если сбежит снова? Позор на нашу голову!.. Вот прислал к нам своего нарочного Бузыкай-кантон. Он обвиняет Зайнуллу, что

тот избегает воинской службы. Царской службы. Если он прав, а?

— Этого не может быть. Не такой он парень.

— Такой-не такой... Ладно, пусть учится, устраивай его. Потом посмотрим. Но надо бы отцу сообщить и взять подписку, что никуда не отпустит сына.

— Зайнулла уже сам написал прошение и хазрету Рахманкулову сказал, что попытка поехать в Бухару была ошибкой и что его первая обязанность — смотреть за престарелыми родителями.

Похоже, целью его поездки все же было получение достойного образования: позже, когда троицкий ахун Рахманкулов сам отправился в Бухару, Зайнулла выписывает через него книги и с жадностью читает их, сдав выпускные экзамены.

ДЕРЕВНЯ АККУЖА

Без доказательства вины никого не подвергайте наказанию. Не делайте ничего такого, что после будет мучить вашу совесть.

Из хадисов Пророка

В 1858 году в возрасте двадцати пяти лет Зайнулла закончил полный курс обучения в медресе, получил звание имама и назначение служить в деревне Аккужа (современное Юлдашево) Тептяро-Учалинской волости.

Какой была Аккужа в середине XIX века? Кто приезжал впервые, всегда обращал внимание на чистоту и опрятность селения: две длинные улицы с чистенькими разукрашенными домиками. Перед каждым домом — палисадник, в палисаднике — низенькие кустарники. Между широкими улицами — соединяющие их короткие переулки. В центре деревни находилась деревянная мечеть, рядом с ней небольшое здание медресе. Справа от проселочной дороги располагалась 2-я деревянная мечеть. Недалеко от этой мечети находился небольшой дом с зелеными ставнями, где жил со своей семьей Габдельфаиз-хазрет, имам 2-й мечети. Позднее в этом доме жил Гатаулла-хальфа, сын Габдельфаиза-хазрета. Это отец Махупъямал. В деревне Аккужа молодого хазрета ждала ужасная весть.

Еще до поездки в Ахуново Зайнулла слышал, что Бузыкая-кантона пригласили на празднование по случаю торжественного объявления Александра II царем России. Ну, поехал и поехал — мало ли чего. Там, в Санкт-Петербурге, за заслуги перед Отечеством Мухаметжану Бузыкаеву присвоили высокое звание генерал-майора. Считай, дворянский чин. Надел он генеральскую одежду, навесил золотые эполеты и, счастливый, поехал домой: хотел во всей красе показаться землякам. Но не суждено было ему поделиться своей радостью на родине. В Шарипово старики рассказывали такую историю: якобы Бузыкаю вместе с генеральскими знаками и орденом погрузили целый мешок крестов. Чтобы

тот помог превратить мусульман в христиан. Но разве согласится с этим народ? Узнав о предстоящей затее властей, группа башкир, якобы куваканского рода, выехала навстречу новоявленному генералу. Встретили где-то на полдороге и порешили судьбу высокого начальника.

...А что было дальше?

Надо полагать, первые пять-шесть лет жизни в Аккуже у нового имама ушли на то, чтобы обжиться на новом месте, завоевать доверие местного населения. Женившись, он пытался заняться коммерцией — продажей чая, но не только не преуспел в этом новом для башкир деле, а влез в долги. Тогда, поняв свою ошибку и почувствовав свое призвание, он решил полностью посвятить себя служению Аллаху. Много читал, устанавливал связи с местными служителями культа, брал уроки у известного мюрида Габдельхакима.

Между прочим тут вспомним прошлое: когда Зайнулла стремился перебраться в Троицк, уходу его противился Якуп-хазрет: не только из-за того, что хотел заполучить умного преподавателя. Он мечтал выдать за Зайнуллу одну из своих дочерей. Это ему не удалось. А вот когда его бывший ученик во второй раз прибыл в уездный центр, где уже обучались его племянники Гайса и Муса, по окончании медресе он отправил одного из них — Мусу преподавать в Ахуново. Престарелый Якуп на сей раз все же добился своей цели: выдал дочь за Мусу и оставил ему свою

должность. Так решались и семейные вопросы.

...При въезде в Юлдашево, как только начинаешь спускаться с пригорка в лощину, тебя встречают высокие березы. Это старое кладбище. То ли оттого, что деревня находится в стороне от большака и здесь редко бывают приезжие, то ли потому, что ее сейчас называют по-другому, сразу вспоминается трагическое прошлое селения.

Как известно, ближе к середине XVIII века племена башкир Барын и Кара-Табын, Кувакан подняли восстание с требованием не нарушать договоренностей, достигнутых между башкирами и Иваном Грозным. Видя, что последующие цари перестали соблюдать соглашение, народ с оружием в руках попытался восстановить справедливость. Однако сатрапы властей, не внемля голосам местного населения и клеймя народ оскорбительным словом «воры башкиры», бросили против них верные им войска. Часть башкир истребили, часть согнали с их законных земель, а деревни стали сжигать. Чтобы не осталось никакой памяти о восстании 1735–1740 годов и его руководителях, в том числе и об Аккуже Кулумбетове, на имена восставших наложили табу. Деревню Аккужа, куда переселились новые жители — тептяри, стали называть по-другому. Так взамен «Аккужа» появилось «Юлдашево» (по имени Юлдаша Нуркина).

При проведении V ревизии здесь было 10 дворов с 48 жителями. В 1859 году здесь

уже проживало 298 человек. Сельчане говорили на тептяро-башкирском языке и хорошо понимали друг друга. Взаимоотношения были дружелюбными, потому что вера была одна — ислам.

В ЗЕНИТЕ СЛАВЫ

Добрые дела делайте без шума.

Из хадисов Пророка

Молодой имам довольно быстро завоевал уважение мусульман. Он говорил проникновенно, с душою, суры из Корана знал наизусть. Послушать его проповеди стали приходить и из соседних деревень. Кроме исполнения обязанностей имама, Зайнулла-хазрет преподавал в медресе. Среди его учеников были не только тептяри и башкиры, но и казахи — их земля была совсем рядом, в восточной части Троицкого уезда.

Именно в этот период — в конце XIX века — российский империализм стал глубоко проникать в Башкирское Зауралье: всюду стали возникать заводы и прииски, под которые отбирались исконно башкирские земли. Сородичи Зайнуллы из рода Кувакан, как и другие обезземелевшие, были вынуждены податься в верховья Уя и Агидели, на земли барын-табынцев.

Наплыв русских переселенцев, «золотая лихорадка», ломая прежние устои, способст-

вовали росту алкоголизма, преступности, падению нравов.

Имам Зайнулла в своих проповедях, может, в открытую и не говорил плохо о поведении людей, прибывших из глубин России, но прихожане не могли не почувствовать в его словах острую неприязнь к великодержавной политике правительства, хотя Зайнулла-хазрет и не был ортодоксом, отрицавшим все нововведения властей. Как-то журналист Гали Сиражетдинов в 70-х годах поведал мне об одном забавном эпизоде (это было в то время, когда Зайнулла Расулев переехал жить в Троицк. — *Авт.*). К нему обратились местные миллионеры в лице купцов I гильдии Яушева, Габбасова и других с просьбой рассудить их. Конкуренция с русскими купцами породила для них проблему получения в банке денег в кредит. Ведь шариат запрещал давать и брать деньги под проценты. Но без кредитов в бизнесе не обойтись. Что делать? И купцы пошли к Зайнулле-хазрету. Его мнение было однозначным: если живешь в стране неверных, надо жить по их законам, соблюдать их каноны.

Таких же взглядов, учитывавших современные условия действительности, начинающий целитель придерживался и в медицине: иногда отправлял больных к врачам. Считал, что нельзя огульно отрицать достижения науки. Однако такие факты были единичными, в целом его неприятие имперской политики центра было очевидно.

ПЕРВОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО

Знание есть клад, ключом к нему является любознательность.

Из хадисов Пророка

Многие годы хазрет жил с мыслью и мечтой совершить хадж — паломничество в священные для мусульман города Аравии Мекку и Медину, дополнить свое образование учебой в Турции. Однако он не мог пуститься в путешествие, так как не было денег, поездки стоили очень дорого. Общение с казахами дало Зайнулле-хазрету эту возможность.

В медресе деревни Аккужа обучался юноша Кечебай, внук богатого казаха Эршибая. Когда Эршибай скончался, потомки его попросили хазрета совершить богомолье, съездив в Аравию для упокоения души усопшего. Такое обращение тоже говорило об авторитете Расулева. Имамы были в каждой деревне, но казахи обратились именно к нему и вручили хазрету тысячу рублей. Тогда это были большие деньги.

В 1869 году летом в возрасте 36 лет хазрет двинулся в далекий путь с группой мусульман из России. В городе Стамбул он берет уроки в Суфийском медресе. Его наставник шейх Халидийа Накшбандийа дает задание: уединившись, в течение полутора месяцев соблюдать пост и читать молитвы. Когда задание, данное известным наставником-проповедни-

ком, было выполнено, хазрет вместе с другими учениками отправился в Мекку, затем в Медину. Движение каравана до конечного пункта продолжалось несколько недель, верблюды шли медленно. Послушники Суфийского медресе Накшбандийа преодолевали путь пешком, испытание выдержать было трудно. Зайнулла был молод, силен телом и душой, поэтому блестяще выполнил задание.

После совершения паломничества все получили звание *хажи* и вернулись в Стамбул. Им по уставу Суфийского медресе разрешили иметь последователей, мюридов и вручили *ижазатнаме* (диплом). Зайнулле присвоили звание шейха-наставника Суфийского братства. Это было очень высокое звание, ибо шейх — это учитель, наставник, проповедующий неукоснительное соблюдение законов ислама. Жизнь шейха, его дела, мысли, слова — пример для подражания его ученикам и мюридам. Во время пребывания в Турции ишан-хазрет приобрел много литературы, некоторые книги ему подарили в Суфийском медресе Накшбандийа.

После возвращения из Турции ишан-хазрет продолжал служить имамом в деревне Аккужа и преподавать в медресе. На службу в мечети собиралось столько народу, что служба большей частью проходила во дворе мечети или на лужайке недалеко от деревни. После полуденной службы до вечерней службы *икенде* ишан-хазрет занимался с мусуль-

манами по Суфийской программе Халидийа Накшбандийа. В течение нескольких месяцев появилось много последователей, учеников и мюридов. Возросло количество юношей — башкир, татар и казахов, желающих обучаться в медресе. Хазрет в своих проповедях в мечети и на занятиях с шакирдами призывал к скромному образу жизни, честному труду, терпению, учил помогать бедным, больным, старикам и сиротам. Причем он учил этому не только на словах, но и своим личным примером: большую часть подношений он отдавал на содержание медресе и обучение шакирдов из бедных семей и сирот. Ишан-хазрет успешно занимался лечением различных болезней. Современники считали, что он обладает даром гипноза.

В течение нескольких месяцев малоизвестная до сих пор деревня Аккужа стала знаменита на весь Урал, Зауралье и Казахстан. Мусульмане приезжали и летом, и зимой повидаться с ишаном-хазретом, послушать его проповеди, получить его благословение, излечить свой недуг. Зайнуллу Расулева (ему исполнилось тогда 40 лет) среди исламских мистиков стали считать духовным наставником, мусульмане — святым, прорицателем, целителем. От Урала до Поволжья слово «ишан» начали употреблять как синоним к «шейху». Рост популярности ишана-хазрета позже его сын, муфтий Габдрахман Расулев, объяснял его высокой ученостью, добрым отношением к окружающим людям, теми

благородными целями, которые он ставил перед собой и своими учениками. Ишан-хазрет хотел через религию изменить образ жизни казахов, башкир, научить их жить только по законам ислама, повысить их образование и культуру.

«Несмотря на то, что росли доходы, ишан-хазрет одевался очень просто и жил скромно в старом доме из трех комнат, — напишет потом внучка хазрета Сафуат Рахманкулова (Расулева). — Обстановка в доме была полудеревенская, если не считать двух красивых сундуков, в которых ишан-хазрет хранил книги».

В деревне Аккужа ишан-хазрет был женат несколько раз. Имена его жен: Гульбагида, Мафтуха, Хадича.

У Гатауллы, хальфы местного медресе, и его жены Хадичи было шестеро сыновей. После рождения их Гатаулла дал обет: если родится дочь, отдаст ее в жены шейху. Так и поступил. Ишан-хазрет принял это как подарок Аллаха. Жизнь Махубы (Махупъямал) после замужества в течение многих лет больше напоминала положение юной родственницы, а не жены. Она все время была около матери ишана-хазрета, играла с детьми, ходила с ними за водой, в лес по ягоды. Свекровь очень привыкла к ней, лелеяла ее.

Хотя в доме было много женщин, все были при деле: одни участвовали в воспитании детей, другие содержали дом в чистоте;

не имевшие образования учились у хазрета же. Мужей для дочерей он выбирал сам. Зятья были в основном из числа его шакирдов. В результате все зятья, получив высокое образование и изучив по нескольку языков, оказались преподавателями медресе «Расулия».

Таковы были порядки в большой семье Зайнуллы Расулева.

В ДАЛЕКИЙ НИКОЛЬСК

Быть доносчиком непристойно.

Из хадисов Пророка

Рассуждения мюридов о том, что их Зайнулла-хазрет своей образованностью превзошел даже своего учителя Габдельхакима, добавили ему еще одного соперника. Ох, уж эта зависть! Сколько достойных людей вогнала она в гроб! Людская злоба вмешалась и в судьбу Зайнуллы-хажи. Так, окрестное духовенство, в частности, мулла Афтах Исхаков из деревни Мулдакай Тунгатаровской волости, имам Мухамедьян из деревни Ялтырово Челябинского уезда, написало донос в Центральное Духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири, в котором обвинило ишана в том, что он якобы совершает деяния против шариата, собирая людей на лоне природы...

Некоторые из современных исследователей склонны относиться к этим сигналам с шутливой снисходительностью. Мол, все это не стоит выеденного яйца. Но это упрощенный взгляд на вещи. Дело тут не только в противодействии мулл новаторству в духовной деятельности Зайнуллы-хазрета. Проблема была намного шире. Ишан работал в тревожное время, в эпоху обострения общественно-политической обстановки в стране. Поэтому и его обвиняли в стремлении поднять восстание против русского царя, называя его опасным человеком. Власти были особенно встревожены тем, что вокруг ишана-хазрета собиралась масса людей.

В 1872 году, через два года после возвращения из Турции, ишана вызвали в Духовное управление мусульман. Разбирательство дела вел сам муфтий Салимгарей Тевкелев. Ишану задают самые каверзные вопросы. Но ответы Зайнуллы Расулева удовлетворяют всех: он демонстрирует глубокие знания, подтверждает свою приверженность вере. Первым это понял один из близких друзей муфтия Хисмат Шагингарей (из Чишмов). Обвинив муфтиев в бабской склоке, он покинул собрание.

Поняв, что потерпели фиаско, недруги ишана отправляют донос теперь уже на имя губернатора. В нем «очень опасный Зайнулла» обвиняется, ни много ни мало, в сборе денег для турков и «сколачивании войска». Из Уфы ишан отправился домой. Доехал до Златоуста, а тут его уже поджидало указание

Уфимского губернатора об аресте. Так он оказался в тюрьме. Когда башкиры и казахи узнали о задержании ишана-хазрета, они стали толпами съезжаться в Златоуст и молиться перед зданием тюрьмы днем и ночью. От массового чтения молитв на улице города стоял гул. Такое внимание народа к ишану-хазрету встревожило власти. Но для предъявления официального обвинения им понадобилось еще полгода. Наконец, обвинив Зайнуллу Расулева в распространении среди мусульман подстрекательских идей, враждебных политике государства, вынесли решение отправить ишана-хазрета в ссылку в Вологодскую губернию. Как рассказывали потом очевидцы, еще в Златоусте не могли надеть на его ноги кандалы, которые сами собой раскрывались при ходьбе — и все тут. Разумеется, это вызывало испуг у караульных. Ишана тайком под охраной увезли в Вологодскую губернию. Когда провозили через Казань, он видел, с каким уважением относятся к нему местные жители: от станции к станции даже сами доставляли его на своих подводах.

Вологодский губернатор поселил ишана в городе Никольск, где не было мусульман. Только через три месяца семья узнала, куда упекли хазрета. Тогда родственники собрались в дорогу, в том числе жены: старшая, самая младшая и два брата последней. Их сопровождал Сиразетдин-хальфа. В деревне остались мама ишана-хазрета, его дочери: старшей было 14 лет, младшей — 5. Все они

были оставлены в деревне на попечение родственников.

Легко представить смятенное состояние женщин, которые, оставив своих детей, уезжали в далекий северный край неизвестно на какое время, поскольку в приговоре не был указан срок ссылки.

Башкиры собрали денег для семьи ишана, перед самым отъездом приехал его ученик Кечебай и от имени казахов вручил большую сумму его старшей жене.

Ехали женщины на 9 подводах, везли все, что необходимо для жизни: постельные принадлежности, одежду, обувь, кухонную утварь, кувшины для умывания, кумган, продукты, книги. В пути их охраняли всадники — башкиры и опять-таки казахи. Останавливались на отдых в деревнях, где их снабжали продуктами, меняли уставших лошадей.

Ехали в течение полутора месяцев. До приезда своей семьи ишан-хазрет в ссылке находился один. Страшно представить его далеко от родины, среди чужих людей. (Правда, по некоторым источникам, З. Расулев был отправлен в ссылку вместе с другим известным служителем религии, а именно, Гатаулой-имамом Абдулмаликовым из деревни Валитово Орского уезда. — *Авт.*)

Здесь, в Никольске, Зайнулла-ишан жил под надзором полиции около трех лет. Позже он никогда и ни с кем не говорил на эту тему. Когда спрашивали, он отвечал просто: «Аллах послал мне это испытание, и я смиренно принял его».

ПОКА ИШАН В ИЗГНАНИИ

(от автора)

Наиболее угодный Аллаху
поступок – правдивое слово.

Из хадисов Пророка

Дорогой читатель! Ты, очевидно, уже понял, что мне, не имея официальных или полуофициальных документов, приходится писать биографию Зайнуллы-ишана Расулева, опираясь главным образом на воспоминания его земляков и родственников.

Итак, кто же эти информаторы, кроме тех, на кого мы уже успели сослаться в предыдущих главах?

Это – Габдрауф Расулев, сын муфтия Габдрахмана Расулева, техник-строитель по профессии (город Москва); внучка Зайнуллы Рашида Габдрахмановна (Москва); внук Атилла Расих, известный писатель (Казань); Анвар Балташев – внук Гайсы-ахуна, племянника Зайнуллы (живет в Казахстане); Ляля Абдулловна Шакирова – внучка Мусы-хажи Расулева, Муждаба Сайфетдинов, Ахмет Имашев и его дети Гайнизин и Акрам (все живут в городе Учалы); внук Мусы Айдар Ахметханов, инженер (город Ворошиловград). Своими сведениями поделились также журналист Гали Сиражетдинов (город Уфа), односельчанин ишана Сиражетдин Умургулов (д. Шарипово Учалинского района),

краеведы Мужип Вахитов (город Троицк), Искандар Харисов (село Ахуново Учалинского района), Фатима Насырова, Каукап Загретдинова (д. Кужай), Мухаметмагзум Хайруллин, Минсылу Сабирова (д. Юлдаш), Р. Г. Уметбаев (город Уфа), Винерулла-мулла Батталов (город Челябинск). Последний, приехав в Уфу и посетив редакцию газеты «Башкортостан», познакомился с автором этих строк, а затем познакомил с внучкой Зайнуллы-хазрета Сафуат Рахманкуловой (в девичестве Расулевой). Мы несколько лет переписывались с ней, уточняли детали совместного очерка. Так что многие страницы этой книги написаны с ее слов.

И писатель Рамазан Уметбаев, зная, что автор предлагаемых строк давно собирает материал о Расулевых, поделился воспоминаниями своего отца о Габделькадире Расулеве, среднем сыне Зайнуллы-ишана. Воспоминания были малоприятными: имам Габделькадир страдал тягой к спиртному, поэтому ишан не жаловал его и отправил в Казань, где тот некоторое время работал истопником в мечети. Со временем он исправился и был направлен имамом в город Астрахань. Впоследствии Габделькадир, вернувшись оттуда, опять устроился на работу в город Казань.

Рамазан Гимранович однажды случайно познакомился в Казани с сыном Габделькадира — известным татарским писателем-романистом Атиллой Расихом. Рамазан Гимранович возьми да и расскажи ему о моей журналистской и исследовательской деятель-

ности, а мне дал его адрес. Так началась наша переписка с Атиллой Расихом. Будучи земляком ишана, я написал его внуку о башкирской деревне Шарипово, где родился его дед, о живущих там людях и его родственниках. Отметил в шутку, что в татарском писателе течет не какая-нибудь, а башкирская кровь.

В ответ Атилла Расих прислал несколько писем, но в них содержались в основном общеизвестные факты. Писатель с сожалением сообщал, что мало знает о Зайнулле-картатае. Когда он был жив, не довелось общаться с ним. Некоторые сведения он взял или только слышал от других. Например, есть сведения о его деде в книге Л. Климовича «Ислам в царской России». Там говорится, что Зайнулла Расулев первым ввел среди башкир громкое чтение Корана, что и послужило причиной доноса на него.

Зная по опыту, что личность ушедшего человека можно характеризовать не только по непосредственным впечатлениям, но и по тому, как его оценивает молодое поколение, я решил привести здесь два письма писателя Атилла Расиха — внука Зайнуллы Расулева.

Первое письмо: *«Уважаемый Рауфтуган! Наконец-то принесли мне Ваше письмо. Мой знакомый Амирхан продолжительное время держал его у себя и при случае оставил в Союзе писателей. Я же тогда болел и вовремя не смог забрать его. Слава Богу, оно у меня в руках. Я от всего сердца выражаю Вам благодарность. С интересом прочитал все, что написано в газете. Узнал*

о дедушке новые сведения. И портрет его очень обрадовал меня. Еще раз спасибо за статью и теплый привет. Желаю здоровья и творческих успехов.

А. Расих.
24 июля 1990 года».

Второе письмо: «*Уважаемый Рауф! На днях принесли Ваше письмо. Спасибо за интересную информацию и теплые слова. Меня и Вас сближает то, что Вы оказались почти односельчанином моего дедушки. Вы ставите вопрос: не напишу ли я заметку о деде и его близких. К сожалению, не получится это. 1990-й год оказался очень тяжелым для меня. Заболел в начале лета, целый месяц пролежал в больнице. Не долечился и сейчас лежу в постели. Поэтому, сами понимаете, не доходят руки [осуществить то], что планировал.*

Сейчас, чтобы как-то помочь Вам в святом деле, я решил познакомить Вас со своей дальней родственницей. С ней я познакомился через письмо. Это женщина по имени Фарида, внучка Мусы-хажи Расулева. Вот что она пишет мне: дедушка Зайнулла, Гайса-бабай и отец моей матери Муса — родные братья (здесь автор допускает ошибку. — *Авт.*). *Так говорил мне отец. Был у нее также брат Габдулла (сын Ахмет, дочь Наиля). У матери был также брат Муждаба. Его жена — Файза Ибрагимовна живет в селе Поляковка, чуть поодаль от*

села Учалы. Сын Айрат. Сын Гайсы-бабая Талха был начальником Тамьян-Катайского кантона. Жена Талхи — Разия. У Гайсы-бабая была дочь Талиба.

Может, Вы сами свяжетесь с Фаридой Мухаметовной (1917 года рождения)? Она живет в г. Кумкургане Узбекской ССР.

Желаю успехов в работе, личной жизни.

С горячим приветом А. Расих.

23 ноября 1990 года».

Между тем начали приходить письма и из других мест, что подтверждало факт исключительного интереса к жизни Зайнуллы-ишана. Вот одно из них — из города Челябинска:

«Здравствуй, Рауф! В Казани очень интересуются жизнью Зайнуллы-ишана. Но там, кажется, ничего о нем нет. Я хотел послать твои очерки, опубликованные в 4-х номерах газеты «Башкортостан». Но, когда вернулся домой, пришла мысль: нельзя этого делать. Ты же их автор! Он обещал: Как только получу материал и прочту, так сразу же выпущу брошюру».

В. Якупов.

Второе письмо тоже из Челябинска. *«У Сафуат Рахманкуловой, дочери Габдрахмана Расулева, есть материалы о Зайнулле-ишане и его родственниках. Мать ее, Асма-абыстай, как старшая невестка, в свое время исполняла обязанности домохозяйки в доме хазрета. Она занималась приготов-*

лением еды, встречей гостей, странников и размещением их. Обо всем этом она рассказывала дочери Сафуат-апай перед смертью».

Булат Батталов.

ПОЕЗДКИ ПО УЧАЛИНСКОМУ РАЙОНУ

То, что газеты начали публиковать сведения про Зайнуллу-ишана, понравилось читателям. Так, у Дома печати встретился офицер в отставке Даут Сагитов. *Говорит, мол, я всегда думал и ждал, кто же первым из журналистов начнет писать о Зайнулле-ишане. Оказалось, Вы. Пришел сказать «спасибо». Хочу сообщить вот о чем.*

В городе Учалы строится мечеть им. З. Расулева. 2008 год

В приемной Духовного собрания Вы бывали, нет? Так вот большие часы, висящие там, – это часы Зайнуллы-ишана. Его подарок уфимцам. И еще один факт: Зайнулла Расулев, будучи на приеме у Николая II, сказал царю о дне своей смерти. И как в воду глядел!

* * *

Ветеран из города Учалы Муждаба Сайфетдинов советует порасспросить о Расулевых внука ишана Ахмета Имашева из деревни Мулдакай. И вот он (вместе с дочерью Гайнизин и сыном Акрамом) рассказывает, что у хазрета Зайнуллы с женой Гайшой была дочь Рабига. Когда ишана отправили в ссылку, Гайша с дочерью уехала к родителям в деревню Каримово.

И еще: ишан для земляков построил в Мулдакае мечеть, где имамом стал служить Ахтям-хазрет, и дом для Имашевых.

* * *

Мы с фотографом Надимом Уразаевым побывали в деревне Аккужа у нескольких стариков, чтобы узнать, где стоял дом ишана. Все оказалось просто: в южной стороне довольно разросшейся деревни на пригорке, в центре пересечения улиц виднелось каменное здание о четырех окнах с двумя дверьми. Это бывшая мечеть (естественно, без минарета). Сейчас здесь магазин строительных мате-

риалов Потребсоюза. Вывеска исполнена на русском языке. То ли оттого, что воздвигнуто на сухом, обдуваемом со всех сторон пригорке, то ли в свое время по-хозяйски и прочно был выложен фундамент — здание мечети до сих пор хорошо сохранилось.

Вниз к реке уходит узенькая улочка. По левую руку стояли дома Багау-муллы, Хайруллы-хазрета, Мухаметмагзума Хайруллина и ...Зайнуллы-ишана. Но этих домов сейчас нет.

Обо всем этом рассказывает Минсылу Сабирова (1916 года рождения). Она же показала невысокие горы — возвышенности Олотау, Малый-тау и Хазрет-тау, откуда мы спустились, когда ехали сюда. Вот на последней, на ее пологом склоне, впритык к кладбищу, и проводили раньше религиозные праздники. Не только при Расулеве, а и позже — в 20–30-е годы прошлого столетия. То, что

Уголок деревни Аккужа, где жили Расулевы. 1993 год

начал Зайнулла-ишан (например, зикр — громкое чтение Корана), активно продолжили уже упомянутые выше муллы.

Почему Минсылу-апай хорошо помнит все это? Потому, что ее как сироту постоянно брали туда с собой старухи, и она от их имени раздавала милостыню. Сами же женщины устраивались на опушке, выше поляны.

* * *

Как-то звонит Рамазан-агай Уметбаев.

— Оказывается, ты немало знаешь, Рауф, о Зайнулле-ишане. Спасибо тебе. Почему хвалю? Для меня нет более дорогого человека, чем он. У него учился мой дед, дядя — брат отца, словом, четыре человека от Уметбаевых. Для нас он безмерно уважаемый человек.

Продолжая разговор с писателем, я говорю ему: «Похоже, Зайнулла-ишан, хотя об этом нигде не говорит, стоял на одной и той же идеологической платформе с Ахмет-Заки Валидовым?» — «Согласен, — говорит Рамазан Гимранович. — Он имел огромное влияние на Валиди. И Акмулла, и другие видные личности часто приезжали и общались с ним.

Возвеличивая Зайнуллу, ты правильно делаешь. Может, это у тебя будет самый главный, капитальный труд. Из собранных материалов тебе надо делать документально-художественную книгу».

В НИКОЛЬСКЕ

Сотрудники музея города Никольск прислали информацию о том, что в XIX веке это был уездный городок, находившийся в 420 верстах от Вологды. Он стоял как бы на полуострове, будучи с трех сторон омываем рекой Юг. Климат резко континентальный, зима длинная и суровая. В 1873 году в городе были 2 церкви, церковно-приходская школа. До Никольска добирались по Шарьинскому тракту, затем ехали от железнодорожной станции Шарья Костромской области 150 верст на перекладных. Через 50–60 верст — почтовые станции. Основным занятием населения было сельское хозяйство. Выращивали лен, ячмень, рожь. В городе было 2 кирпичных завода, развивалась торговля лесом. Город всегда был местом политической ссылки.

Теперь вернемся к рассказу Сафуат Габдрахмановны. «Как вспоминала бабушка (Махуба), жены ишана-хазрета прибыли в Никольск спустя полтора месяца после его отъезда с родины — летом 1874 года с большим обозом в сопровождении 5 человек. Привезли продукты, одежду, обувь, деньги, чернила и бумагу, настенные часы, свечи. Одному из сопровождавших их братьев, Сиражетдину-хальфе, разрешили остаться здесь на длительное время. Оставили им также лошадь и телегу — возить дрова. Через неделю родственники уехали. Стали приходить местные жители, чтобы поглазеть на

женщин, удивлялись их внешнему виду, образу жизни. Всю осень готовились к зиме, обустроили дом, построили баню — такую же, как и в деревне Аккужа.

Наступила зима. Было очень холодно. Полиция привезла кирпичи, помогла сложить печь. Когда заболели простудой, пришла жена местного священника, принесла всякие травы, дикий лук и молоко. Слег и сам хазрет. Тогда пришел лекарь и сказал, что надо улучшить питание. Здесь было немало нерусских ссыльных, которые помногу умирали, не выдержав суровой зимы. Где там нормально питаться — ишан-хазрет обычно соблюдал пост и очень ослаб. Хазрет никуда не ездил, дальше дома не отходил. Очевидно, так надо было, поскольку он находился под надзором полиции.

Летом 1874 года муфтий обратился к губернатору с просьбой облегчить участь семьи хазрета. Но губернатор, прислав письмо, сообщил, что об освобождении хазрета не может быть и речи. Можно только лишь просить разрешения жить в каком-нибудь другом русском городе, где есть мусульманское население. Муфтий Салимгарей Тевкелев писал, что через три года можно написать прошение на имя Вологодского губернатора.

Как стало известно по рассказу брата бабушки, который жил в деревне Аккужа, в течение года к матери ишана и его дочерям два раза приезжал шейх Ахмет-хажи Рахман-

кулов со своей женой. Часто навещали их казахи, привозя продукты, деньги.

«Описывая эти события, — сообщала Сафуат Рахманкулова, — я ничего не могу сказать о том, кто такой Сиражетдин-хальфа, как его фамилия, где он научился русскому языку. Этот человек своим присутствием в Никольске очень помог семье ишана: он ходил в лавку за покупками — постоянно нужны были мыло, свечи, мука, крупа, ситец, иголки, нитки. Швейной машины не было, и из купленного ситца женщины сами шили одежду на руках. Башкирскую обувь мастерили братья бабушки».

Лето 1875 года. «В город Никольск приехал казанский купец Муртаза Ахмеров для закупки леса. Посетил ишана-хазрета с подарками, привез деньги от казанских купцов и радостное известие. Оказывается, по пути в Никольск он посетил Вологду, был с подарками на приеме у губернатора. Во время беседы губернатор сказал, пусть хазрет напишет прошение, чтобы ему разрешили жить с семьей в каком-нибудь другом городе, где есть мусульманское население. Через неделю купец уехал, увез с собой прошение, написанное местным священником от имени ишана-хазрета, купец должен был заехать к губернатору. Семья ишана-хазрета провела еще одну зиму в тревоге и ожидании».

ГОРОД КОСТРОМА

О молодости вашей спросится на страшном суде: как ее потратили; о жизни спросится, как ее исчерпали; о достоянии вашем спросится, как его добыли и как израсходовали; чему научились, спросится, и как это использовали.

Из хадисов Пророка

Весна 1876 года. Из полиции сообщили, что пришла депеша от губернатора, в которой говорилось об обеспечении всем необходимым семьи шейха З. Расулева: обозом, конвоем, охраной для переезда в Кострому. В начале лета ишан-хазрет со своей семьей уже был в Костроме, — рассказывала Сафуат Рахманкулова.

Что представлял собой этот город? Расположенный на Волге, уже тогда он был в числе губернских. В городе действовали 4 церкви, за городом — монастырь, имелись 2 гимназии, церковно-приходские школы. К нему вели два больших тракта от железнодорожной станции Шарья и Ярославля. На берегу Волги виднелись две крупные пристани. Население в основном русское, но имелась и татарская слобода — место компактного проживания татар.

Переезд в Кострому явился счастливым событием для всей семьи Зайнуллы-ишана. «Женщины плакали от радости», — вспоминала Сафуат Рахманкулова.

Полиция поселила семью в одноэтажном доме из трех комнат. Во дворе находились: колодец, баня, сарай для скота, курятник; около дома — небольшой сад. Мусульмане города подарили семье дойную корову, несколько овец, домашнюю птицу и бричку с лошадью, на которой родственники ездили за продуктами и сеном.

Но светлое событие переезда вскоре омрачилось похоронами. После длительной болезни скончалась старшая жена ишана-хазрета, с которой он прожил 20 лет. Похоронили ее на мусульманском кладбище.

Приехав сюда, семья сразу почувствовала заботу проживавших здесь татар. Их речь несколько отличалась от языка, на котором говорили в семье ишана-хазрета. Местные татары называли себя мишарями.

Конец лета 1876 года. Из Троицка вновь приехали родственники, уставшие после длинной и трудной дороги. Перед выездом они еще не знали, что ишана перевели в Кострому, поэтому приехали в Никольск, а потом отправились сюда.

Жить стало легче. Ишан воспрял духом, словно вернулся на родину. В Костроме он проведет свыше семи лет.

Здесь постоянно находились двое с родных мест для помощи ишану. В основном это были родственники бабушки, ее братья и племянники. Их фамилия — Гатауллины. Двое братьев бабушки были преданными мюридами ишана-хазрета. Сам он никуда не ездил, участвуя лишь в хозяйственных работах по

дому. Между молитвами много читал и писал. Полиция разрешила ему переписку с родиной. Письма шли очень долго, по нескольку месяцев. Когда власти разрешили ишану встречаться с местными мусульманами, в дом стали приходить старики по два-три человека. Сам ишан, родственники бабушки регулярно посещали службу в мечети. Имамом служил Сафар-хазрет».

ЧУДОТВОРЕЦ

Аллах сотворил болезни, но он сотворил и лекарства от них.

Из хадисов Пророка

Мы вкратце рассказали выше о самом печальном периоде жизни Зайнуллы, который он провел вдали от привычной, родной для него среды. Немало было в жизни знахаря, лекаря и дней, наполненных делами чудотворными. Так, имам деревни Ялтыр еще в своем доносе властям сообщал, что Зайнулла-хазрет обладал какой-то таинственной силой: всех, кто находился рядом с ним, брала оторопь, они слушали его как завороженные. Об этих способностях хазрета мне писал в письме его внук Атилла Расих из Казани (об этом уже упоминалось выше. — *Авт.*).

О чудесных деяниях ишана поведал и житель деревни Шарипово Сиражетдин Умургулов:

«В тюрьме Зайнулла-хазрет заговорами лечил больных. Об этом узнала жена

начальника лагеря. В их семье постоянно умирали дети. Ни один не доживал до года. Она попросила супруга, чтобы этот святой башкирец осмотрел их дитя. Мужу это не понравилось, но все же он разрешил привести дитя к заключенному. Казалось, Зайнулла особо-то и не осматривал ребенка: потыкал-потыкал его своей палкой и отправил женщину с дитем домой. А по возвращении домой малыш, который до этого был без сознания, пришел в себя. Его вырвало и ему захотелось пить. К приходу отца ребенок уже бегал по комнате.

Благодарная мать отправила хазрету передачу и стала уговаривать мужа ходатайствовать перед губернатором о его освобождении. Губернатор не поверил в эту историю и велел испытать его... с хищниками. Ладно, повели знахаря в зверинец. "Знаю, куда меня ведете, – сказал хазрет. – Но позвольте мне сначала помолиться". Разрешив исполнить обряд, его запустили в клетку со змеей, которой от роду было триста лет. Но она не тронула его. Зайнуллу запустили в клетку со львом, затем и с тигром. И здесь с ним ничего не случилось. Говорят, хазрет спокойно проходил мимо хищников, теребя их за ухом».

Тюремное начальство вновь и вновь обращается с ходатайством об освобождении Зайнуллы Расулева... Но лишь в 1881 году ишан получает разрешение от губернатора Крыжановского вернуться домой в Башкирию.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Вознаградите тех, кто сделал вам добро.

Из хадисов Пророка

Ишан-хазрет с семьей вернулся на родину. До деревни Аккужа сопровождали их на шести подводах мусульмане города Костромы. По приезде домой, семья узнала печальные новости. Пока они находились вдали от дома, умерла мама ишана, умерли и родители жены. Царство им небесное. Дочери, оставшиеся здесь, уже повзрослели. Двое вышли замуж. Зайнулла снова стал жить в деревне Аккужа и служить имамом. Посетил своего наставника и учителя шейха Ахмет-хажи Рахманкулова в городе Троицке. Пока гостевал, познакомился с проживающим там купцом Хабибуллой Габбасовым. Встреча с ним сыграла большую роль в дальнейшей судьбе ишана-хазрета.

Через несколько недель Хабибулла-хажи, узнав о бедственном материальном положении семьи ишана, посетил его дом с подарками и высказал свою просьбу. Несколько месяцев назад в возрасте 80 лет скончался его старший брат, в связи с чем нужно было совершить хадж в священные земли Аравии. С этой просьбой он и вручил имаму сумму, необходимую для поездки. Сам он никогда не совершал паломничества: в молодости не было средств, появились средства — пришли старость и болезни. Просьба Хабибуллы-хажи была очень кстати. После возвращения

из ссылки Зайнулла мечтал съездить в священные места и встретиться со своим наставником в Суфийском медресе.

В 1881 году произошло важное событие для Зайнуллы Расулева. У ишана-хазрета и его четвертой жены 10 ноября родился сын. Нарекли его Габдрахманом.

Рождение сына было для семьи радостным событием, ибо у ишана-хазрета были только дочери.

В 1882 году ишан второй раз в жизни поехал в города Мекка и Медина. В путешествии его сопровождали два брата Махубы. В Стамбуле Зайнулла навестил своего учителя и наставника, передал ему письмо шейха Ахмет-хажи Рахманкулова.

В Суфийском медресе знали о жизни ишана-хазрета в последние девять лет, о пребывании его в тюрьме и ссылке. Учитель подарил Зайнулле книги, необходимые для его дальнейшей деятельности. Получив его благословение, паломники вернулись на родину.

ПЕРЕЕЗД В ТРОИЦК

Храмы, мечети стройте простыми и скромными, а города – красивыми и благоустроенными.

Из хадисов Пророка

Конец 1883 года. Ишан-хазрет получил приглашение посетить шейха Ахмет-хажи Рахманкулова, который к тому времени по решению Духовного управления мусульман

России служил ахуном по Оренбургской губернии. В поездке в город Троицк Зайнуллу-ишана сопровождали преданные ему мюриды — братья Махубы. В доме Рахманкулова в присутствии уважаемых в городе мусульман Зайнулла-хазрет получил приглашение переехать с семьей в город и служить имамом в районе Новой мечети, построенной на средства купца Х. Габбасова. Ахун-хазрет от имени Духовного управления мусульман тут же вручил ему соответствующую бумагу.

Ранней весной 1884 года ишан-хазрет со своей семьей переехал в Троицк. Его семья была небольшая: он сам, его молодая жена да сынишка Габдрахман, которому исполнилось только два с половиной года. В деревне Аккужа у него остались два маленьких домика, стоящих рядом. В первом предстояло жить сестре с семьей, во втором — старшей жене с дочерью. Другая жена уехала к своей замужней дочери.

Переехав в Троицк, семья Зайнуллы-ишана сразу ощутила заботу ахуна-хазрета. Наладить жизнь в уездном центре помогла дружба двух сердечных подруг — жены ахуна-хазрета и жены Зайнуллы. Их дом находился в конце улицы Крахмалевской. К приезду все было приготовлено: обстановка, посуда, паласы, даже детская кроватка, хотя Махуба и сама привезла люльку для маленького сына. В этом доме семья прожила семь лет, пока не был построен большой двухэтажный особняк. Зайнулле тогда было уже немало

лет, но он был в силе, высокого роста, стройный. Играя с сыном, сажал его себе на шею, чтобы тот поднятой рукой мог достать потолок. В свободное время любил колоть дрова и складывать их в сарай.

Весть о том, что Зайнулла Расулев вернулся из ссылки и будет служить имамом в Троицке, быстро разлетелась среди казахов и татар. Множество людей заполнило улицу, поэтому первая служба проходила во дворе

5-я мечеть в городе Троицк, где служил ишан Зайнулла (сейчас мечеть № 722 по ул. Ленина). 1800 год

мечети. Был яркий солнечный день. После стольких лет потрясений и переживаний началась новая жизнь.

С приездом ишана-хазрета в районе, в котором воздвигли новую мечеть, произошло много перемен. Район стал называться не Амур, а *Магмурья*. Он стал мусульманским. Изменились названия улиц, переулков. Был построен большой мост через Увельку, соединивший центр города с их районом. Здесь же выстроили постоялый двор и харчевню для мусульман. Появились новые торговые ряды, книжный магазин, гостиница для мусульман, которые приезжали на встречу с ишаном.

МЕДРЕСЕ «РАСУЛИЯ»

Не делайте из своих домов могилы – молитесь в них...

Из хадисов Пророка

Недалеко от мечети, в переулке, в маленьком доме из трех комнат, открылась школа для мальчиков — будущее медресе «Расулия». Первым учителем ее стал Зайнулла-ишан. Рядом с медресе, в другом доме, находился пансион для шакирдов. Здесь же в переулке, рядом с медресе, стояли подряд несколько домов, в которых жили преподаватели с семьями. Кроме службы в мечети, занятий с шакирдами, ежедневно до вечерней службы ишан-хазрет занимался в медресе и со взрослыми мусульманами по Суфийской программе Халидийа Накшбандийа. За короткое

время у З. Расулева появилось много последователей-мюридов. Руководство медресе, организацию учебы и быта шакирдов он полностью поручил Галимьяну-хазрету.

Доходы ишана-хазрета стали расти, и теперь у него появилась возможность обустроить жизнь дочерей, помочь им вести хозяйство. Он вместе с муридами поехал на Урал, в Шарипово. Посетив могилы родителей, побывал у дочерей — они и их дети постоянно чувствовали заботу и внимание отца и дедушки. К тому же сейчас ишану-хазрету подвернулся удобный случай исполнить свою давнюю мечту, которую стремился осуществить всю жизнь. Ишан выслал деньги на строительство мечети в деревнях Шарипово и Малай Муйнак, а также для нового

Медресе «Расулия» в городе Троицке. 1880-е годы

медресе в деревне Аккужа, так как прежнее здание, оказывается, сильно пострадало во время пожара. Рядом с этим медресе соорудили новое здание — пансионат для шакирдов. Зайнулла-ишан не скупился: и до этого он систематически выделял деньги для медресе деревни Аккужа. Шакирды учились бесплатно.

За последние годы семья ишана заметно пополнилась.

Были воздвигнуты дома для сыновей: два — по улице Крахмалевской, два — в переулке. А вот для старшего сына, Габдрахмана, хоть и планировали, жилье так и не было построено. На вопросы детей: «А почему так случилось?», Габдрахман отшучивался: «Значит, отец хочет, чтобы я не оставлял его и всегда жил рядом с ним».

«Да, отношение ишана-хазрета к Габдрахману было особое, не такое, как к другим сыновьям», — вспоминает Сафуат Рахманкулова. Он готовил его для самой высокой миссии. Это все замечали, и мать тоже. Старший сын долгие годы неотступно жил рядом с отцом, учился и служил под его руководством. После кончины ишана-хазрета он часто повторял непонятные для многих слова: «Отец всегда рядом со мной».

Не зря ишан возлагал на него надежду. По словам профессора Калифорнийского университета (Сан-Франциско), автора нескольких научных монографий по истории религиозной мысли и роли мусульманского духовенства в Иране Хамида Алгара,

«из сыновей Зайнуллы самый младший (правильнее, старший. — *Авт.*) Габдрахман Расулев сыграл наибольшую роль в послереволюционный период. Он был политически активным и до большевистской революции, будучи, например, членом комиссии, образованной на Третьем Всероссийском мусульманском конгрессе в 1906 году.

Старший сын Зайнуллы-ишана Габдрахман Расулев. 1900–1901 годы

Обращение Расулева в 1943 году к И. В. Сталину от имени мусульман Советского Союза с заверениями в поддержке Красной Армии и собранные им среди мусульман средства на строительство танковой колонны сыграли значительную роль в либерализации государственной политики по отношению к религии в послевоенные годы.

Габдрахман Расулев был муфтием и председателем ДУМЕС (1936–1950 гг.) в городе Уфе. Он явно был хальфой (духовным преемником) своего отца в братстве Халидийа Накшбандийа.

Заметим здесь, что и остальные дети Зайнуллы-ишана и в целом все Расулевы были

высокообразованными людьми, хотя и не все посвятили жизнь служению мусульманской религии. В этой связи обратим наши взоры на большую семью Расулевых.

БОЛЬШОЙ ДОМ

Перед Богом самое любимое здание для вас — это здание, которое любят сироты.

Из хадисов Пророка

Когда царствуют в доме радость и счастье? Очевидно, когда в нем много детей, все сыты, одеты-обуты, все дружны, и каждый стремится к знаниям.

Рассмотрим с этой точки зрения шежере-генеалогию Расулевых.

У ишана, как уже упоминалось, было четыре жены. Здесь относительно жен ишана надо сделать примечание и привести слова самого шейха Зайнуллы: «Я ни с одной из своих жен не расторгал брак, — писал он. — Если разлучались, то только по причине смерти их». И действительно, две первые жены хазрета скоропостижно скончались.

От четырех жен у ишана родилось одиннадцать детей. Имена дочерей: Нафиса, Карима, Салиха, Рабига, Курательгаян, Гайша. Имена сыновей: Габдрахман, Хибатулла, Габдулла, Габделькадир, Габдельсабур.

Из них в деревне Аккужа родились первые четыре дочери и сын Габдрахман, осталь-

ные — в городе Троицке. Когда на свет появился самый младший — Габдельсабур, Зайнулле-ишану исполнилось 66 лет, его жене — 41 год.

Особо надо сказать о Салихе, дочери Мафтухи. Когда у нее умер первый муж, Салиха повторно вышла замуж за Мухаметхажи Якшимбетова из деревни Аскарово нынешнего Абзелиловского района. Родились: Нафиса, Хасим, Фатих, Насих, Акрам. Из них Нафиса вышла замуж за Ахмет-Заки Валиди, но прожили они недолго. После того, как Валиди покинул Родину, по свидетельству Р. Фаизханова из Белорецкого района, Нафиса жила в городе Прокопьевске. Там вторично вышла замуж. Назовем еще одного отпрыска Салихи — это Насих, отец будущего кинорежиссера Малика Якшимбетова.

А.-З. Валиди, проживая в Турции, сохраняет добрую память о шейхе Зайнулле, тоскует по первой жене. К сожалению, Нафиса в 1926 году публикует письмо в республиканской газете о том, что она отказывается от Валидова, поскольку давно не живет с ним.

Выше мы писали, что ишан-хазрет особо опекал старшего сына.

Соответственно, и Габдрахман оказывал сыновнее внимание отцу. С юношеских лет он мечтал издать книгу о нем. Собирать материал и первоначально писать ее помогал (понятно, до кончины. — *Авт.*) Муса-хажи, второй сын Фаткуллы Расулева, т. е. племянник Зайнуллы, который жил в селе Ахуново,

недалеко от Учалов. Габдрахман закончил свою повесть в начале 1912 года и прочитал ее отцу в присутствии старых мюридов. Чтение с перерывами продолжалось около двух часов. По завершении чтения ишан-хазрет ласково посмотрел на сына и движением руки разрешил уйти. Книгу до революции не успели издать, а после 1917 года в стране все изменилось. В тревожные годы советской власти рукописи Габдрахмана-хазрета прятали у соседей, чтобы не отобрали во время обыска.

В Троицк часто приезжал Габдулла Расулев, сын Мусы-хажи. Он хорошо знал почерк своего отца, и они с Габдрахманом-хазретом подолгу читали рукописи. Послушать приезжали и другие родственники и потомки Фаткуллы.

ПО НОВОЙ ПРОГРАММЕ

У кого хороший нрав,
тот хороший человек.

Из хадисов Пророка

Вернемся к детским и юношеским годам Габдрахмана.

Как только сыну исполнилось 5 лет, его воспитание и обучение ишан-хазрет доверил учителю. Первым учителем будущего муфтия был Габдуллажан-хальфа Кинжин, высокообразованный по тому времени человек.

В свободное от занятий время учитель ходил с мальчишками на прогулку или на

рыбалку, учил детей плавать, ездить верхом на лошади. Габдрахман от него научился играть на курае и кубызе. В полдень учитель начинал собираться на полуденную службу в мечеть, где имамом был сам ишан-хазрет.

С 11 лет Габдрахман стал обучаться в медресе «Расулия». Его наставником стал мударис Галимзян-хазрет.

1899 год знаменателен для семьи ишана-хазрета тем, что старший сын в возрасте 18 лет окончил полный курс медресе «Расулия» и получил звание имама. А ишан в его годы только еще поступал учиться в медресе Ахмет-хажи Рахманкулова!

Ишан-хазрет надеялся, что сын совершит паломничество в священные земли Аравии, потом будет учиться в Турции, в Суфийском медресе Накшбандийа и готовиться к высокой миссии шейха Суфийского братства. Сын, который прежде ему никогда не возражал, на этот раз заявил, что хочет поехать в Исламский университет в Каире. Отцу пришлось смириться с этим, он понял, что сын находится под влиянием учителей Габдрахмана и хажи Галимзяна.

После трехгодичного перерыва, связанного с учебой в Каирском университете, началась совместная жизнь молодых: Габдрахмана и Бибиасмы. Молодую семью ишан-хазрет поселил на втором этаже соседнего дома.

Рано утром после завтрака сын приходил к отцу, чтобы поприветствовать его и получить благословение на весь день. Он работал

в медресе, преподавал арабский язык и историю ислама в России. И Бибиасма приходила в большой дом, чтобы помочь в ведении хозяйства. Работы хватало: у нее было очень богатое приданое. Надо было все содержать в чистоте, ухаживать за цветами и т. д.

1902 год принес большую радость молодой семье. 11 сентября у них родился сын — Габдрауф. Теперь невестка занималась сыном. Ее освободили от работы в большом доме. Семья пополнялась, одна за другой родились три дочери. Заботы прибавилось: стали брать на воспитание сирот, вскоре их число увеличилось до семи. Таким образом, кроме своих, у них выросли еще шесть девочек и мальчик.

В доме был редкий в ту пору телефон, который связывал дом с медресе, а также с имением, находящимся в 8 километрах от города.

Большая семья, особенно дети, летом жили в имении. Оно было запущено прежними владельцами. Имелся заросший фруктовый сад. После ремонта, проведенного сыном ишана Габдрахманом, в усадьбе стало удобно, красиво. Гости и соседи восхищались порядком, воцарившимся там. Как только заезжали в ворота, тут же начиналась аллея белой сирени. Дорога вела к большому дому, называвшемуся «зимним».

Он был предназначен для семьи ишана-хазрета. Но сам хозяин не приезжал сюда, так как всегда был очень занят. В доме жили и отдыхали братья и сестры детей. И бабушка Махупъямал приезжала ненадолго — только

собирать вишню и малину. Ишан-хазрет любил чай с сушеной дикой вишней и малиной.

Второй дом назывался «летним». Его занимала семья будущего муфтия. Здесь же все лето жила со своими детьми и нянями внучка ишана Сакина Батталова, с которой Бибиасма дружила с юношеских лет. Дружба с Сакиной помогала ей преодолевать житейские трудности.

Большой дом состоял из семи комнат, веранды и террасы.

Порою в этом имении одновременно проживало около семидесяти человек. Места и еды хватало всем. Часто приезжали и подолгу гостили со своими семьями дочь ишана-хазрета Салиха Якшимбетова, его внучки Сагида и Нурлыгаян.

Перед тем, как выезжать из города, Габдрахман обычно звонил в имение. Дети выходили его встречать. Вечером начинался полив огорода и цветочных грядок. Все работали с радостью, особенно дети.

Габдрахман рано утром уезжал на работу в медресе. Обедал в доме ишана-хазрета вместе с братьями. За ним была закреплена бричка с конем, кучером работал молодой казах Кунакбай. Неудивительно, что он хорошо знал не только родной, башкирский, но и казахский языки, любил казахские песни. По его просьбе в дороге Кунакбай потихоньку напевал ему мелодии степей.

Из сыновей ишана-хазрета служению религии посвятил жизнь только старший. Еще во время учебы в Каире, кроме стремле-

ния углубить свои знания, Габдрахмана интересовали также методика преподавания, условия для занятий и организация быта шакирдов. Уже тогда у него созревал план, как изменить программу обучения в медресе «Расулия». Он хотел, чтобы выпускники этого учебного заведения были широкообразованными людьми, которые могли бы нести культуру в мусульманские народы — башкирам и казахам. Габдрахман-хазрет часто советовался об этом со своими учителями — Габдуллажаном и Галимзяном-хажи. Затем поделился своими планами с отцом. Ишан-хазрет, внимательно выслушав сына, сказал, что надо еще узнать мнение его мюридов, ибо знал, что некоторые из них были против изменений в программе обучения. Преподаватели медресе в тревоге ждали решения ишана-хазрета. Вскоре после этого он устроил большой обед, куда пригласил ахуна-хазрета Рахманкулова, его сыновей, племянников, своих сыновей и старейших мюридов, известных купцов-меценатов, всех преподавателей медресе. По завершении обеда ишан объявил свое решение: все руководство медресе он передает своему сыну Габдрахману-хазрету, благословляет его и разрешает ввести изменения в программу медресе.

В дальнейшем Расулев не вмешивался в работу медресе, посвятив свое время только религиозной деятельности как шейх Суфийского братства Халидийа Накшбандийа и имам мечети. Было ему тогда 70 лет.

Преподаватели медресе «Расулия» (во втором ряду в середине – директор медресе старший сын Зайнуллы-хазрета имам Габдрахман; шестой слева – средний сын Габделькадир; в первом ряду слева – самый младший сын ишана Габдельсабур). Конец 1890-х годов

Весной 1903 года на средства купцов Яушева, Бакирова и Уразаева началось строительство большого здания медресе. Осенью 1905 года оно было завершено.

Теперь учебный процесс был организован по-новому. Появились такие отсутствовавшие ранее в учебных планах предметы, как литература, история, естествознание. Были приобретены столы, стулья, шкафы, наглядные пособия. Надо отметить, что в прежнем здании медресе шакирды занимались, читали, сидя на полу.

«В начале XX века медресе «Расулия» превратилось в популярное полусветское

учебное заведение, а также в центр религиозной жизни зауральских башкир и казахов Уральской и Тургайской областей. Оно имело одиннадцатилетний курс. Целью провозглашалась подготовка молодых людей в муллы и учителя-мугаллимы для начальных мусульманских школ. Программа преподавания включала вероучение, татарский, арабский и русский языки, чистописание, чтение, заучивание и толкование Корана и хадисов, математику, российскую, татарскую, всеобщую историю, теологию, мусульманское право, логику, этику, гигиену, географию, естествознание, физику, химию, зоологию, педагогику» (Ислам на территории бывшей Российской империи, Т.I., СПб., 1998).

ДЕТИ

Любите женщин – они ваши матери, сестры и дочери.

Из хадисов Пророка

В деревне Аккужа родились дочери Нафиса, Карима, Салиха, Рабига и сын Габдрахман. Все дочери вышли замуж за мулл или учителей.

Младшие сыновья хазрета Габдулла, Габделькадир, Габдельсабур — все трое обучались в медресе «Расулия», получили звание хальфы. В 1908 году вместе со старшим братом Габдрахманом совершили паломничество в священные земли Аравии. Продолжили

образование в Турции на современных педагогических курсах. По приезде работали в медресе «Расулия».

Самым способным из них был, пожалуй, Габдулла. Кроме родного башкирского, он хорошо знал русский, турецкий, арабский, казахский, татарский языки, писал стихи, увлекался фотографией. Когда началась Первая мировая война, был призван в армию. Имел офицерское звание, служил переводчиком в мусульманском полку. Год смерти неизвестен. Его осиротевшая дочь Нурия воспитывалась у старшего брата — Габдрахмана.

Третий сын — Габделькадир. После Октябрьской революции потерял работу, так как мечеть закрыли. Был вынужден уехать в Казань. В 1942 году, когда правительство дало некоторую свободу религии, служил имамом в городе Астрахани. К концу жизни снова переехал в Казань. Его сын Атилла Расих, о котором уже говорилось выше, стал известным писателем. Габделькадир, по отзывам родственников, не сумел достичь больших успехов в религиозной или иной общественной деятельности, однако определенный интерес для массового читателя может представлять история его женитьбы.

Известно, что великий татарский поэт Габдулла Тукай в годы учебы в медресе «Расулия» страстно влюбился в девушку по имени Зайтуна. Однако и позже, когда Тукай стал работать наборщиком типографии, ему было трудно добиться ее руки. К тому же его одолевал туберкулез. Но красавицу Зайтуну

тайно любил и Габделькадир. Как пишет Атилла Расих, его отец увидел девушку в театре и, как говорится, влюбился с первого взгляда. Габделькадир сначала просил, а потом стал требовать, чтобы отец женил его на Зайтуне. «Если откажетесь сватать ее, уйду, куда глаза глядят, и не вернусь», — отрезал он. После таких категоричных заявлений, родители задумались. «Сильно обиделась бабушка (Махупъямал. — *Авт.*), — пишет А. Расих. — Она даже всплакнула: «Как же я покажусь на людях с твоей маржой?».

Вообще-то Зайнулла был не против породниться с родителями Зайтуны. Если он сумеет женить сына на дочери известного в округе ахуна Рахманкулова, то взаимоотношения между ними наладятся, подумал Расулев. Поэтому согласился на сватовство.

Атилла Расих рассказывает об этом периоде жизни своего деда и отца, ссылаясь на Махупъямал. «И вот однажды к ней заявляется одна из подруг и говорит: "Зайтуна, с тобой хочет познакомиться средний сын Зайнуллы-хазрета". "Нет-нет, разве она пойдет за сына ишана! Разве она, общаясь с молодежью, среди которых бывали Тукай, Амирхан, не настраивала себя против религиозных фанатиков?" Но если мать быстро забыла свои обиды, то отец отнюдь не упускал из памяти того, на что рассчитывал, и через соседа Валея и его жену передал просьбу Рахманкулову. На помощь прибыл и дальний родственник Махупъямал Гали Дербишев из Казани. Своим мягким подходом, гибкостью, умением манев-

Черновик стихотворения «На смерть Акмуллы», написанного племянником Зайнуллы-ишана Гайсой Расулевым, – свидетельство дружбы великого поэта с З. Расулевым. 1895 год

рировать в такой ситуации он сумел-таки покорить родителей Зайтуны. "Зайнулла-ишан не последний, мол, человек в России, и сын, подобно отцу, благочестивый ученый человек. Любой родитель не прочь будет породниться с такими знатными людьми и с радостью отдаст свою кровинушку в такой дом"».

Молодым устраивают встречу в доме Валея «Курицы». Девушка, стесняясь вести разговор, передает Габделькадиру записку, где ставит свои условия: «Я не стану твоей матери желанной невесткой, а тебе — покорной женой, о которой мечтаешь. Я буду поступать так, как хочу и, как только войду в ваш дом, так сразу пойду учиться».

Габделькадир на все согласен, лишь бы она стала его женой.

Свадьбу проводят 7 февраля 1914 года в доме богача Муллагалея Яушева.

Зайтуна о первых днях в доме Расулевых и знакомстве с ишаном пишет в своем дневнике так: «Наступил вечер. Отец (Зайнулла-ишан. — *Авт.*) вернулся с пятничного намаза. Накрыли стол. Осталось только показаться ему. Поздоровавшись с отцом, дабы подчеркнуть свое уважение к деду, я должна разливать чай. Отец, сняв верхнюю одежду и пройдя через три комнаты, вошел к нам. "Где вы, где дети?" — спрашивает. Невысокий, сутуловатый старик. Лицо не такое уж и сердитое, как у матери. Испытующе смотрит на меня, но взгляд теплый. Мы с сестренкой Кадира Гульшат, по заведенным здесь правилам, поздоровались с ним, целуя его руки. Он стал читать молитву. Только после этого, войдя в зал, уселись за стол пить чай».

Вскоре, немного привыкнув к новой жизни, невестка вместе с Гайшой начали брать уроки у деда Зайнуллы. А он, сделав заключение, что [раз] у молодой невестки нет особого желания вести домашнее хозяйство, с нее

хватит и того, что дружит с дочерью, дал ей полную волю.

...Жилой дом ишана-хазрета состоял из двух половин — каждая с отдельным ходом. Вход в мужскую половину был через парадное крыльцо около ворот. На втором этаже мужской половины находилась комната, где ишан-хазрет встречался с гостями. Всех мусульман, которые приезжали на встречу с ним, называли «кунак». В передней всегда находился «каушчи» («обувщик»), который должен был следить за одеждой и обувью гостей. Ежедневно в 9 часов утра двери парадного входа открывались. Во время встречи с гостями ишану-хазрету помогали его мюриды.

Передняя — это была большая комната, пол которой был устлан старинными паласами. В центре комнаты стелили скатерть в клеточку. Заранее для чаепития готовились свежие пироги, кусковой сахар, изюм, мед. На медном подносе стоял кипящий самовар, рядом — два чайника с заваркой. Справа от входной двери на полу находились кумган и медный таз для мытья рук. На стене висели длинные башкирские полотенца с вышивкой на концах. Мюриды в передней приветливо встречали гостей, расспрашивали их о цели приезда, предлагали присесть отдохнуть после дальней дороги, покушать, попить чайку. Потом они приглашали гостя в комнату для встречи с ишаном.

Четыре окна этой большой комнаты выходили на улицу. На окнах висели коротенькие занавески. Между двумя окнами

висели настенные часы без боя. Они вместе с семьей ишана-хазрета побывали в ссылке. Вплотную к большой стене были прислонены два высоких книжных шкафа. Рядом с ними небольшая стремянка. Личная библиотека ишана-хазрета была его гордостью.

Много книг он привез из Турции, многие ему были подарены.

Ишан-хазрет беседовал с гостем, сидя на паласе, около него находился кто-нибудь из мюридов. Гость садился на палас перед ишаном. Беседа с гостем начиналась и кончалась молитвой. Разговаривал ишан-хазрет тихо, спокойно, не спеша, терпеливо выслушивал гостя.

Немало людей приходило за материальной помощью, они тут же получали денежное пособие (не менее 10 рублей), жеребенка или теленка, или двух овец. Кто-то приходил за консультацией по изучению Корана. Человек, получивший задание, как будущий мюрид ишана-хазрета, снова приезжал, чтобы сдать зачет. Были гости, которые приходили получить благословение перед началом какого-либо важного события или поездки по торговым делам, строительства дома и т. д.

Среди посетителей также было немало людей, страдавших различными болезнями. Они жили здесь по нескольку дней, пока ишан лечил их — при помощи беседы, молитвы, травами и обязательным соблюдением поста. Больным, страдающим тучностью, ожирением и затяжными кожными заболеваниями, он обычно советовал соблюдать пост.

Современники считали, что ишан-хазрет владеет гипнозом. Среди гостей было много казахов. Естественно, они приезжали не с пустыми руками, а с дарами — предпочитали платить натурой, а не деньгами. Особенно ценились паласы, изготовленные из овечьей шерсти с гладкой поверхностью. Хороший доход приносили богатые казахи. Они знали, что крупное пожертвование, которое они внесут, будет истрачено на обучение, одежду, питание шакирдов из бедных семей.

Самыми приятными гостями были отцы, приходившие получить благословение хазрета перед вступлением своих детей в брак. Пока отцы были гостями хозяина, матери заходили на женскую половину. За дружеским чаепитием велась беседа о будущем устройстве жизни молодых. Жених и невеста в этих беседах не участвовали.

Беседа ишана-хазрета с гостями прерывалась на время обязательных молитв — намаза. Пять раз в день ишан ходил на службу в мечеть. Его сопровождали мюриды и люди, которые готовились к получению этого звания. Это было величественное зрелище. Полквартала до мечети шли все вместе, читая молитвы, громкими возгласами восхваляя Аллаха.

Несмотря на обильное угощение, которое готовилось для гостей, сам ишан-хазрет кушал очень мало. На завтрак — яичница из одного яйца на маленькой сковородке, свежая булочка, две чашки крепкого чая со сливками, липовый мед. Летом свежие ягоды,

зимой сушеные фрукты и ягоды. На ужин после захода солнца — бульон из баранины с домашней лапшой, протертое вареное мясо; летом — кумыс, зимой — кефир домашнего приготовления (катык). Ужин после постного дня *ифтар* всегда начинался с приема изюма.

Людям, которые готовились стать мюридами, ишан-хазрет наряду с другими заданиями давал и такое: соблюдать пост один-два раза в неделю в течение года. В непостные дни ишан хазрет завтракал и обедал с семьей, а ужинал с мюридами.

В гости Зайнулла-ишан ни к кому не ездил, считая, что не может тратить на это свое время. Раз в неделю встречался с ахуном-хазретом: или у себя дома, или у него. Он никогда на забывал, что ахун материально помогал его матери и дочерям, жившим в деревне Аккужа, пока он сам находился в ссылке. Считая его своим учителем и наставником, З. Расулев всю жизнь поддерживал с ним дружеские отношения, помогал ахунухазрету деньгами, так как у того была многочисленная семья, а служба в качестве ахуна Оренбургской губернии не приносила ему большого дохода.

Раз в году в начале лета ишан-хазрет ездил на Уральские горы — на родину, чтобы посетить могилы родителей. Подготовка к этому путешествию начиналась еще в конце зимы. Готовились все, кто должен был сопровождать ишана-хазрета. Руководил подготовкой к поездке Фахретдин-хальфа. Ехали на шести подводах, брали с собой съестные припасы,

одежду на случай перемены погоды, подарки для родственников и встречавших их в разных деревнях сельчан.

Сопровождали путников в Шарипово, Малай Муйнаково, Аккужино, Ахуново всадники-казахи — человек десять. Зайнулла-ишан посещал могилы родителей, своих дочерей и внуков, потомков родного брата Фаткуллы Расулева и других. Последний раз он побывал в родных местах в 1913 году, тогда ему было 80 лет.

Ишан-хазрет хорошо разбирался в различных сортах чая, в доме все запасы чая хранились у него. Раз в неделю через жену он передавал невестке свой запас чая на неделю. Чай был разный, ишан-хазрет выделял, какой надо заваривать на завтрак, какой на ужин, а для детей он был особый.

В глубокой старости, после 70 лет, ишан стал пить только отвар из трав и ягод. Махупъямал сама собирала травы, ягоды и сушила их. Ишан часто говорил ей, что вишневая пастила и сушеная дикая малина напоминают ему родную деревню Шарипово, где прошло его детство.

В доме было много прислуги, обязанности которой были строго распределены. Повар, кулинар, прачка, уборщица, ключница, швея, умеющая вышивать — все они были дальние родственники Махубы-абыстай. На кухне работали допоздна, чтобы для гостей ишана-хазрета всегда была горячая еда: суп, пироги, кипящий самовар, сливки к чаю. Гостей иногда приезжало такое количество, что приходилось резать до шести баранов в день. «Мно-

гие дальние родственники бабушки (дочери Зайнуллы-ишана. — *Авт.*) желали работать прислугой в этом доме», — вспоминает Сафуат Рахманкулова. Работа для них являлась как бы школой жизни. Они учились вести хозяйство, наводить чистоту и порядок, готовить разнообразные блюда, шить и вышивать.

В 1914 году началась Первая мировая война, которая принесла много горя. Не обошло оно и семью ишана-хазрета.

Брата Махубы Назипа, окончившего юридический факультет Петербургского университета, призвали в армию в самом начале войны. Через полтора года от него из военного госпиталя пришло тревожное письмо: сильно заболел. Поехал к нему старший брат, привез домой. Стали лечить — не помогло. Выяснилось, что отравился немецким газом.

В том же году взяли на войну и третьего сына — Габдуллу Расулева. Он служил переводчиком в мусульманском полку, владел русским языком, имел офицерское звание, носил форму с погонами. В 1915 году полк отправили на фронт. Габдулла некоторое время писал письма, потом письма перестали приходить. Габдрахман куда только ни писал, чтобы узнать о судьбе мусульманского полка, в котором служил брат. Через два года пришло сообщение, что все воины мусульманского полка погибли во время газовой атаки немцев. Это было тяжелое горе для семьи — родителей и всех родственников.

Рядом с новым зданием медресе было построено двухэтажное здание — пансионат

для шакирдов. Некоторые воспитанники жили в домах, купленных им богатыми родителями, или снимали комнаты у местных жителей, некоторые даже имели личную прислугу. А в основном в пансионате жили сироты и дети из бедных семей. Здесь проживало одновременно более 100 шакирдов разного возраста. На первом этаже была столовая, где шакирды питались три раза в день. Воспитателями работали четыре человека — учителя с большим жизненным опытом. Пансион освещался электричеством, движок был установлен в здании медресе. Недалеко от медресе, в переулке, в доме из трех комнат находились мастерские, где были установлены станки и стояли шкафы с разными инструментами. Люди, обучающие шакирдов разным ремеслам, пользовались большим уважением, хотя некоторые из них были совершенно неграмотны. Рядом в том же переулке находилась баня, топили ее три раза в неделю.

В библиотеке медресе наряду с книгами религиозного характера имелась и художественная литература. Если раньше медресе готовило только имамов, служителей ислама, то по новой программе оно стало готовить также и учителей начальных мусульманских школ.

Медресе стало популярным среди мусульманской молодежи России. При нем действовала типография, где печатали религиозные книги, художественные произведения, мусульманские календари и буквари для начальных школ. Здесь стала издаваться первая

и единственная тогда в России газета на казахском языке «Айкап», что в переводе означает «Заря».

В типографии медресе были напечатаны большим тиражом буквари на трех языках: казахском, башкирском и татарском. С трудом получили разрешение на ее открытие. Ишану отказали потому, что он побывал в политической ссылке. Тогда ишан-хазрет переписал медресе «Расулия» как собственность на имя сына. После этого Габдрахман-хазрет написал прошение на имя губернатора. С рекомендацией муфтия Духовного управления мусульман и характеристикой местной полиции он поехал в Оренбург получать разрешение губернатора. С трудом купили печатный станок для типографии, из Германии выписали движок для выработки электричества. Один движок из четырех полученных поставили в городской аптеке, открытой Габдрахманом-хазретом в 1904 году в маленьком одноэтажном домике.

В аптеке работал еврей, обладавший некоторыми знаниями по медицине, в основном по оказанию скорой помощи. Его жена была акушеркой. Она нигде не училась, но свое дело знала хорошо. Ее мать и бабушка были «народными лекарями». Аптекарь и его жена говорили по-татарски, жили в здании аптеки. Мусульмане района Магмурья в любое время суток могли обращаться за помощью в аптеку, когда случались травмы, несчастные случаи, трудные роды, отравления и т. д. Обслуживание было бесплатным, но мусульмане не

жалели денег на подарки и гостинцы для детей аптекаря, которых у него было восемь человек.

Аптека доходов не приносила, а расходы были большие. Деньги на содержание аптеки выделял ишан-хазрет. Когда во многих городах России начались еврейские погромы, была угроза, что и в Троицке они могут возникнуть. Аптеку закрыть было невозможно, народ нуждался в ней. Поэтому Габдрахман-хазрет решил организовать охрану аптеки, поручив это дело преданным ему всадникам-казахам. К счастью, в Троицке еврейских погромов не было. Троицк в то время был городом больше мусульманским, чем русским, а мусульмане евреев не считали своими врагами.

Когда сыновья ишана-хазрета Габделькадир и Габдулла окончили медресе, получили звание хальфы, ишан решил, что им нужно совершить паломничество в священные земли Аравии и продолжить образование в Турции. Братья стали готовиться к поездке. Младшему брату Габдельсабуру было всего лишь 10 лет. Но ишан-хазрет решил, что и ему надо ехать и произнес загадочные для других слова: «Если сейчас Габдельсабур не поедет на паломничество с братьями, то позднее он никогда не сможет попасть туда». Очевидно, догадывался, что грядут трудные времена.

В Стамбуле Габдулла и Габделькадир поступили учиться на современные педагогические курсы. Габдрахман и его младший брат Габдельсабур поехали домой.

* * *

...Из внуков Зайнуллы Расулева исламской религии служили: Шамсетдин Ихсанов — он воспитывался в доме деда, окончил медресе «Расулия», служил имамом в Верхнеуральском уезде; хальфа Фасхетдин Батталов был преподавателем в медресе дедушки. А его сын, т. е. правнук Зайнуллы-ишана Булат Батталов работает сейчас имамом в городе Челябинске.

* * *

Мы уже писали, что у Зайнуллы был родной брат — второй сын Хабибуллы Фаткулла. Он провел скромную жизнь в родной деревне Шарипово. У него было два сына: Айса (Гайса) и Муса. Оба учились в медресе родного дяди Зайнуллы, тоже стали религиозными деятелями.

Старший сын Фаткуллы Гайса (1866–1921) в 1904 году был мобилизован на Русско-японскую войну главным муллой мусульман в русской армии, проявил геройство и вернулся в чине генерал-майора. После демобилизации стал имамом мечети в деревне Яльчигул Тунгатаровской волости. Остаток жизни провел в деревне Старо-Байрамгулово. Был опорой мусульман всей округи. Занимался творческой деятельностью. Автор стихотворения «На смерть Мифтахетдина Акмуллы», песни «Посол Гайса», ставшей народной, и большой рукописи «Поучение детям». Похоронен в деревне Старо-Байрамгулово (ныне Учалинского района РБ).

Старший сын его, Таяр, был имамом в деревне Шарипово, участвовал в организации повстанческого отряда, за что был убит возле своего дома анархистами.

Второй сын Гайсы — Талха — был верным сподвижником руководителя башкирского национально-освободительного движения А.-З. Валидова, сопровождал его в поездках. Офицер по званию, после перехода Башкирского войска на сторону советской власти был избран в Темясово кандидатом в члены Башревкома. Ушел вместе с Валидовым в Среднюю Азию, а затем эмигрировал в Китай.

У Гайсы были две дочери: старшая — Талиба была известна как деятель просвещения. В 30-е годы работала в Аургазинском районе заведующей отделом народного образования, а в годы репрессий покинула Башкортостан, затем вернулась и умерла в поселке Миндяк.

Младшая дочь — Тагира.

* * *

Второй сын Фаткуллы — Муса (1868 года рождения) учился в медресе «Расулия» вместе с Гайсой, два раза побывал в Мекке, всю жизнь служил имамом-хатибом в селе Ахуново Верхнеуральского уезда (ныне Учалинский район РБ). Умер там же в 1904 году.

Его сыновья: Габдулла (1886 года рождения) после Октябрьской революции работал заведующим отделом народного образования Тамьян-Катайского кантревкома, в 1926 году

переехал в Уфу. Второй сын — Муждаба был одним из руководителей башкирского восстания в 1920 году против продразверстки. Его подпись стоит под соглашением, заключенным представителями БашЦИКа и восставших граждан об амнистии и остановке борьбы. В этом соглашении было условлено, что никто из восставших не будет подвергнут преследованию, однако Муждаба был арестован и отправлен в ссылку. Умер там же в 1946 году.

Старшая дочь — Хасна; средняя — Салма (1898–1974) жила и умерла в деревне Кужай. Младший сын — Жават погиб на войне.

КОНЧИНА

О Аллах! Прости нашим живым и умершим нашим, присутствующим и отсутствующим – малым и большим, мужчинам и женщинам!
О Аллах! Даруй жить в Исламе тому из нас, которому Ты сохраняешь жизнь, и умереть в вере тому из нас, которому Ты даруешь жизнь!
О Аллах! Прибавь к его доброте, если он был из числа добрых, и прости его злобу, если он был из числа злых!

Из молитв, включенных в «Шараитуль Иман»

Ишан-хазрет скончался по старому стилю 2 февраля 1917 года. Ему было 84 года. Смерть хазрета явилась потрясением для его семьи

и всех мусульман мира. Похороны Зайнуллы-ишана вылились во всеобщую скорбь. Проводить великого просветителя, философа, шейха Суфийского братства Халидийа Накшбандийа Зайнуллу Расули приехали его многочисленные родственники, ученики, мюриды и просто люди, которым он помог выбрать верный путь в жизни.

В газетах Оренбурга, Уфы, Казани, западноевропейских стран были помещены сообщения о кончине ишана-хазрета, сыгравшего исключительную роль в истории ислама в России. Погасла яркая звезда, осветившая историю башкирского и казахского народов. По поводу кончины Зайнуллы Расулева ближайший друг и последователь его Ризаитдин Фахретдинов напишет такие слова: «Скончался в своем доме, в городе Троицке и ушел в вечный покой один из великих сынов

Кладбище в городе Троицке, где похоронен Зайнулла Расулев

мусульман и очень полезных служащих России шейх Зайнулла, принеся печаль и горе своим близким. Господь не оставит человека, который провел долгую жизнь в святых местах для чтения намазов и кафедр, в окружении мечетей и школ, а также книг».

Ишана-хазрета похоронили в городе Троицке на старинном мусульманском кладбище.

ЗАГАДКА АУШТАУ

Как-то в разговоре промелькнула мысль — а ведь Миасс, по сути, пограничный город. Необычное для нас словосочетание. Но граница та в 20 километрах. У бывшего казачьего села Устиновка. Не стоят там, слава Богу (а кто-то скажет: Аллаху), полосатые столбы, однако мы уже в другой республике. Башкортостан... Живя рядом, постоянно соприкасаясь всеми гранями человеческой деятельности, знаем о нем очень мало. Об истории, обычаях, преданиях этого богатого на переплетения различных родов и национальностей — так же, впрочем, как у русских — народа.

От Миасса Учалинский тракт прям, стрелой пролег на юг. На полпути у деревни Тунгатарово замелькают перила моста через реку Уй. Оглянешься — широка уже лента, то голубого под цвет неба, то стального потока. Истоки его за высокой горной грядой, поднявшейся справа. Там, на Уе, бок о бок три деревни. Самые первые на этой реке: Шарипово, Кужаево и Азнашево.

Говорят, основали их братья Шарип, Кужай и Азнаш. Деревням тем под 200 лет. Народ же до сих пор привержен родственной связи. И в праздники, и в дни печали старается быть вместе. В прошлом году начальная школа села Кужаево отметила семидесятилетие. Среди ее выпускников немало заслуженных деятелей культуры, науки, здравоохранения, просвещения, геологии... Есть и кавалеры орденов Ленина, Трудового Красного Знамени. Богата земля на таланты!

Да, у тех деревень земля обильна щедростью, рожденной от смыкания различных природных зон. Здесь встретилась тайга со степью, горы с равниной. И в недрах то же разнообразие пород. И прошлое притягательно глубиною познания предков, таинственной силой преданий.

В Шарипово у речной плотины стоит на взгорке памятник. Обычный памятник необычному человеку... Зайнулле Расулеву — религиозному деятелю, знаменитому башкирскому ишану, врачевателю с даром пророчества. Здесь он родился в начале XIX века. Здесь прозрачные воды Уя пели ему колыбельную. Каменной шапкой — шлемом батыров нависал над речной долиной Уйташ. Манил и звал в заоблачные выси. Быстрый как ветер молодой скакун не раз уносил его к каменистым склонам хребта Наралей. Ласкал хрустальной волною Аушкуль. И крутой тропой вел к прозрению горный конус Аштау. Все это вошло в глубину сердца человека нелегкой судьбы.

XIX век стал золотым не только для русской культуры. В башкирской литературе развивается просветительское направление, активизируется народная публицистика. В это время сын муллы Расулева постигает азы наук у бухарского учителя в соседней деревне Малай Муйнак. А в 1851 году он уезжает в Троицк. В 16 лет шариповский юноша отправляется в долгий путь за знанием, за постижением истины. У имама 1-й каменной мечети Троицка Зайнулла — любимый ученик. Наставник же опять из Бухары — Ахмед бен Халид аль-Минкари.

Халидийа — это наиболее влиятельная группа приверженцев суфизма. Расулева тоже будут звать... Зайнулла аль-Халиди.

После семи лет обучения его назначают в Верхнеуральский уезд имамом мечети деревни Аккужа. Здесь он основывает мусульманское учебное заведение — медресе. И у него появляются первые ученики. В том же году он едет в деревню Сардаклы под Челябинском. Там Расулев вступает в суфийское братство Накшбандийа.

Суфизм — религиозно-философское учение, одно из направлений в исламе. Приверженцы суфизма — суфии. Их цель — духовное очищение, непосредственное познание Аллаха. Суфизм вобрал в себя идеи античной философии и теософии. Соединил культовые традиции и народные верования со следованием предписаниям Корана. Создал организационную форму движения — институт братств. Братство Накшбандийа было самым

влиятельным среди башкир и татар, да и почти всех тюркских народов. Бухара и Самарканд — основные центры этого направления.

Но в 1870 году путь имама Зайнуллы пролег не в древние среднеазиатские города. Он отправляется в паломничество — совершает хадж в Мекку. Одна из главных целей поездки — посещение Стамбула. Турецкий Истанбул в ту пору становится средоточием религиозности и мусульманской учености. Бухарская традиция теряет свою значимость.

Расулев посещает ученых мужей и среди них находит учителя — выдающегося шейха из братства Накшбандийа. Как щедры бывают семена, вовремя упавшие на благодатную почву! 40 дней уединения... и освоения методов мистического постижения Истины! Зайнулле присваивается звание «полного, совершенного халифы» — духовного преемника. Он получает право на обучение с последующим принятием в братство.

И снова Аккужа, родные места. Здесь только за один год проповеди Зайнуллы-ишана семь тысяч человек становятся его учениками — мюридами. Но введенные им в практику суфизма новшества вызывают враждебное отношение у традиционных религиозных кругов. И летят в Духовное мусульманское управление Оренбурга обвинения в ереси, искажении исламского вероучения. Результатом этой «кампании» стал арест шейха Зайнуллы. Восемь месяцев содержится он в Златоустовской тюрьме. А в январе 1873 года сослан в Вологодскую

губернию. Так шейх — суфийский старец оказывается на севере России, где на сотню километров в округе нет ни одного человека мусульманского вероисповедания. Через три года его переводят в Костромскую крепость, затем в татарскую деревню.

Круты склоны Аштау! Относительная высота всего-то 230 метров, а какой тропой, с какой бы стороны не пошел, — тяжел подъем! Но он будет вознагражден необычной величественной красотой гор, долин, селений и круглого, как блюдо, озера у подножья. Аушкуль... берега в россыпи яшмы, мягкие и чистые воды! Зеркальная гладь отразит пирамиду горы Ауш, феерические краски заката... Взгляни с вершины в любую сторону — на север ли с чуть просматривающейся телевышкой Ильментау, на запад ли с изрезанными склонами Наралей — все влечет и притягивает взгляд! Но прежде наверху, в кругу накиданных камней, предстанет взору старая береза. А у ствола ее, будто на пьедестале, расколотая каменная плита. На ней арабской вязью текст. Утверждают, что раньше лежала она сверху памятника, сложенного в виде пирамиды. И была целой. Скол разрушил одну из пяти строк. Буквы в плите выбиты Зайнуллой Расулевым. На обороте, словно проба пера, начальные строки. Однако не понравилось что-то имаму. Заново, на другой уже полный текст. Что заставило его заниматься непривычным делом? Тяжесть камня, подъем с грузом по крутому горному склону? Что? Надпись на каменной плите

гласит: «Это проповедник веры — Шейх Мухаммет Мигнан Алуса — 651 год во времена Берке-хана — государство Берке-хана».

651-й год — по официальному летоисчислению — 1237-й год нашей эры. Но годы правления хана и смерти проповедника не совпадают... двадцатилетняя разница! И что интересно! Оказывается, у плиты была предшественница... более древняя плита. Текст ее гласил: «Рамазан Аулия — Пришел из города Ош — Его самого, жену, дитя убили в 651 г.».

Слово «аулия» значит «святой». Почему же святой Рамазан превращается в шейха Мухаммета? Что заставило Расулева сделать новую надпись? Вопросы эти и сомнения привели нас в ЧелГУ к Зульфие Маратовне Хадыевой, преподавателю факультета Евразии и Востока. Ее дословный перевод современной надписи: «Могила шейха — Мухаммеда Рамадана Алюши — 651 г. в эпоху — Берки-хана — Бани-сарай». Кто же он, Рамазан Аулия? Первый проповедник ислама в наших местах?

Предания жителей соседних деревень то дополняют, то опровергают друг друга. «Когда-то давно в здешних местах проходили караваны верблюдов. Шли этим путем и торговцы из среднеазиатского города Ош. В дороге у Аушкуля умирает всеми почитаемый человек. Он и был похоронен на вершине». «Караван подходил к селению. Жители его ушли на сенокос, поручив детям приглядывать за домами. В разгар работы те прибежали с тревожной вестью о появлении

вооруженных людей. Селяне бросились на защиту. Когда опомнились, непоправимое уже свершилось. Было убито несколько человек, в том числе и духовный провидец, проповедник новой веры».

В 1881 году Зайнулла Расулев возвращается из ссылки в Аккужу. Через год — снова паломничество. Ишан спешит на встречу с учителем. После поездки остается в Троицке. С 1884 года становится имамом-хатыбом 5-й соборной мечети. Здесь же на Амурской улице строит медресе. Ему дадут звучное имя «Расулия». Его закончат многие религиозные, политические и государственные деятели. Город Троицк превратится в центр обучения мусульман. В учебном заведении шейх Зайнулла внедрит новые педагогические методы, за счет светских наук расширит учебные программы. Французский историк охарактеризует медресе «Расулия» как «один из лучших академических институтов мусульманского мира». Зайнулла Расулев обладал не только просветительскими и педагогическими талантами. Глубокие познания в богословии, шариате, суфизме не заслонили в нем способности к врачеванию, знаний тибетской медицины. В лечении больных он использует лекарства из собственного лечебного диспансера.

Шейх Зайнулла прославился также своим даром пророчества, снискавшим Расулеву необычную популярность, привлекшим к нему многих последователей. На родине шейха помнят те случаи-былинки. Как в пору

юности чей-то дед шел с друзьями просить молитвы у имама. В пути спрятали они кисет с махоркой... мусульманам не положено курить. В конце беседы услышали от Зайнуллы напоминание — не забыть спрятанное под мостом. Тот стыд навсегда отбил охоту к куреву.

До самой смерти в феврале 1917 года в возрасте 84 лет Зайнулла энергичен и деятелен.

Стройные березы, уходящие кронами в небо. Сладкий запах просыпающейся земли, прелого листа, нежных первоцветов. Тихое журчание ручья... и ты счастлив этим утром, этим солнцем, этой тишиною!

Говорят, когда убили Рамазана, свершилось чудо... из глубин земных, из каменных недр забил вдруг ключ чистой воды. Вот и сейчас шумит он. Восходящим потоком поднимаются струи чуть белого цвета. Поят страждущие души. Спешат к источнику «Аулия» люди из деревень и городов. Поклониться и испить святой воды приезжают даже из зарубежья. Спешат... только два месяца в году, лишь по весне, когда полнятся соком ветви берез, в обложенном мрамором русле течет родниковая вода, искрясь на солнце.

Ключ «Аулия» — ключ Святого... Не дает покоя мысль — убили проповедника непонятой веры. Но за что жену и ребенка? Ведь не может обманывать древняя плита! Как оказались здесь женщина и дитя?

С вершины Ауштау до города Ош Киргизстана даже по прямой тысячи километров.

Ош — город на торговом пути с древнейшей историей, уходящей корнями во времена до нашей эры. Сравниться с ним и превзойти возрастом на южноуральской земле может лишь Аркаим с Синташтой, являвшимися в прошлом центрами арийской Страны Городов. Историки утверждают, здесь 4 тысячи лет назад возник зороастризм. На протяжении многих веков эта религия ариев была господствующей в Азии, в великой Персидской державе.

Но к X веку под натиском арабов заканчивается история Персии. Лишь немногие поселения приверженцев старой веры какой-то еще период существовали на побережье Каспия.

С конца IX — начала X века на Южном Урале появляются башкирские племена. Нет, это не те арийские «огнепоклонники». В краткой энциклопедии «Башкортостан» определенно говорится о том, что в формировании этнокультурного облика башкир решающую роль сыграли тюркские народы южносибирского и центральноазиатского происхождения, но... при участии уральцев. Башкиры осели на Урале, где вытеснив, где ассимилировав аборигенное население — финно-угорские и иранские племена. И в образовании башкирского языка участвовали многие языки, в том числе иранский. Какой же верой жили здесь люди? Краткая энциклопедия «Башкортостан»: «В домусульманский период истории башкиры, вероятно, исповедовали зороастризм и тенгрианство («тен-

гри» — «небо», «бог»)». Иранское воздействие на духовную жизнь башкирских племен прослеживается в эпических произведениях и в мифологических образах, в праздниках и обрядах башкир.

На вершине Ауштау в ста метрах от памятника есть загадочное место. Большими плитами, поставленными вертикально, выложен круг. В центре его яма. По бокам каменная россыпь, три засохшие лиственницы. Могила Рамазана? Почему разрыта? Если нет, то что это? Под горой старое мусульманское кладбище. Такие же и у соседних деревень. Но не каждое из них признается башкирами за свое.

Так может, гора Ауш была святой и до того трагического случая? И совершались здесь религиозные обряды людьми, исповедавшими первую религию откровения? Зороастризм дан богом Мудрости. Поэтому, наверное, многие из его истин отразились в более поздних религиозных учениях — иудаизме, христианстве, исламе. Здесь так же веками ждали Спасителя...

Лежат на столе две фотографии Зайнуллы Расулева — в зрелом возрасте и старца. Но как похожи они, как одинаковы! Чалма, опущены веки, взгляд вниз, долу, сухощавое лицо, тихая улыбка. А из-под ресниц словно искорки! Как будто знает что-то неведомое нам — тайну, сокрытую от взора нашего. Урал... он во многом еще непознанная страна.

Марсель Фархшатов,
кандидат исторических наук

«ПОЛЮС ВРЕМЕНИ» ПО ИМЕНИ ЗАЙНУЛЛА

В башкирской истории он стоит особняком, как одинокий шихан Юрактау («Сердце-гора»), возвышающийся над людьми и не подвластный времени. Напротив, он сам повелевал временем – тем, в котором жил сам, и последующей эпохой. Не случайно шейх Зайнулла Расулев носил высший титул суфийской духовной иерархии – «кутб заман», то есть «полюс времени». Нитями, которыми соткана его личность, пронизано всё, чем жил Башкортостан, а если брать шире, то и весь исламский мир России в конце XIX – начале XX века. Век XXI также не свободен от вибраций его духа, когда-то вбросившего всю силу своей творческой энергии в кристаллизацию каркаса будущего.

ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ

После 7 лет учебы в Троицком медресе Зайнулла Расулев, характеризовавшийся как «самый заметный и наиболее старательный

последователь Ахмада бен Халида в его эзотерическом учении», был назначен имамом в аул Аккужа Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии (ныне село Аккужа Учалинского района РБ). Там он открывает собственное медресе и начинает обучение местной молодежи. Однако сфера образования не затмила собой его давней страсти — следования по мистическому пути Богопознания. Поэтому в 1859 году он вступает в суфийское братство Накшбандийа, а конкретно, в ряды его ответвления Муджаддидийа. Инициация произошла в ауле Сардак недалеко от Челябинска под руководством башкирского шейха Абдулхакима Курбангалеева Сардаклы, чья цепочка духовной преемственности («силсила») восходила к знаменитому индийскому шейху Ахмаду Сирхинди (умер в 1624 году), жившему при дворе Великих Моголов и носившему почетное прозвище «Обновитель второго тысячелетия». Следовательно, по этой же «силсиле» к Сирхинди восходил и Зайнулла Расулев.

Шейх Ахмад Сирхинди был непримиримым критиком Великого Могола шаха Акбара (1564–1605), который пытался ввести в своем государстве изобретенный им самим синкретический культ, синтезированный на основе индуизма и ислама. В юности Сирхинди был последователем учения «вахдат аль-вуджуд» («единство бытия») суфийского мыслителя и философа Мухъя ад-дина Ибн Араби (1165–1240). В своих произведениях Зайнулла Расулев ссылается на труды этого великого

мистика. Что представляло собой учение Ибн Араби, названного «самым великим мистическим гением арабов» и «апостолом теософского мистицизма»?

УЧЕНИЕ ИБН АРАБИ

Согласно учению Ибн Араби Бог является единственной подлинной реальностью, не нуждающейся в первопричине и являющейся абсолютным совершенством, в котором потенциально утаены все существующие реальности. Мир — это всего лишь плод Божественного стремления проявить себя и узреть собственную сущность. Желание это обусловлено «печалью одиночества». Таким образом, в результате стремления Бога стать «известным» происходит рождение мира, который является «тенью Бога». Творение есть переход из состояния потенциальности в состояние проявленности. Гегель считал, что исламская философия носила эпигонский, то есть подражательный, характер по отношению к античной. Однако идеи Ибн Араби имеют четкие основания в Коране и Сунне Пророка, что опровергает утверждения Гегеля. Так триада творения, когда, во-первых, Абсолют пребывает в себе, во-вторых, выходит за пределы Себя, творя материальный мир, и в-третьих, возвращается в первоначальное состояние, знаменуя конец света, основана на конкретных местах из Священного Писания и Священного Предания. Согласно хадису-кудси, на вопрос пророка

Дауда (Давида), обращенный к Богу, почему Он создал мир, Господь ответил: **«Я был скрытым Сокровищем** (1-я стадия), **и я захотел быть явным»** (2-я стадия). А в Коране декларируется возвращение Бога к Себе (3-я стадия): **«к Нему возвращается всё»**. Таким образом, Ибн Араби делает революционный вывод об одновременной трансцендентности Бога (то есть нахождении Его за пределами мира) и Его имманентности (присутствии в здешнем мире, Богоявленности). Последовательное принятие идеи трансцендентности Бога неизбежно ведет к дуализму: коль в мире нет Божественного присутствия, значит, он греховен и испорчен, и в нем правит Князь мира сего, то есть дьявол. В чем мировоззренческая трагедия дуализма? Дуализм в той или иной мере присутствует во всех современных религиозных системах. Крайний дуализм логически приводит к тому, что феноменальный мир объявляется иллюзией — *майей*. Коль мир — всего лишь мираж, то он не имеет никакой ценности. Самоубийство бесполезно, так как существует реинкарнация. Поэтому надо добиться подлинной смерти — потерять вкус к жизни. Крайние секты дуалистов — катары и манихеи — чередовали строгий аскетизм с дикими оргиями. И все для «изнурения» плоти как олицетворения материи, являющейся источником мирового страдания. От дуализма всего лишь один шаг до сатанизма, ибо дуализм признает Бога и Сатану равновеликими силами. И вот Ибн Араби преодолел

этот трагический дуализм. Бог через посредство универсалий, архетипов всех вещей тварного мира, присутствует в дольнем мире, который является «вместилищем» для Его истечения, что находит подтверждение в Коране: **«Воистину, создали Мы человека и ведаем о том, что нашептывает ему душа его; и Мы ближе к нему, чем шейная артерия»**. Однако Бог манифестирует Себя не полностью, утаивая Свою самость. Коран гласит: **«Он — первый и последний, явный** (имманентный) **и тайный** (трансцендентный), **и Он о всякой вещи знающ»**. Коль присутствие Бога в сфере явного является реальностью, значит, здешний мир прекрасен, и жизнь имеет некий смысл. Жизнерадостная и оптимистичная философия Ибн Араби ставит под сомнение идею абсолютной предопределенности судьбы человека. Ведь фатализм делает бессмысленным этический выбор человека между добром и злом и снимает с него ответственность за свои поступки: если все наши поступки уже предопределены, то наш выбор между злом и добром не имеет никакого смысла. Зайнулла Расулев, как можно заключить из его практической деятельности, симпатизировал системе Ибн Араби. Коль человек способен к самосовершенствованию — а это главный посыл суфизма, — то, стало быть, он обладает свободой воли, которая квалифицируется как милость Божья. Но зачем Господь добровольно ограничивает свое могущество? Ответ: для испытания человека, чтобы выявить его подлинную доб-

родетель. Ведь как говорил поэт-суфий Джалал ад-Дин Руми, «целомудрие ничего не стоит, если отсутствует искушение пороком». Поэтому Ибн Араби писал:

...мы Ему принадлежим,
Но разве сами мы собой не обладаем?
Ему во мне принадлежит лишь слово
«быть»;
Сколь нами Он, столь мы собой
располагаем.

ВТОРОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Посвященный шейхом Абдулхакимом Курбангалеевым в число мюридов (последователей) братства Накшбандийа-Муджаддидийа, Зайнулла Расулев не мог долго довольствоваться его обществом. В 1870 году после 10 лет ученичества у шейха Абдулхакима Курбангалеева он делает свой окончательный выбор: отправившись в паломничество-хадж в Мекку, он останавливается в Стамбуле, чтобы оглядеть великую исламскую метрополию и найти себе нового наставника. Там он встретился с самым известным накшбандийским шейхом Турции Зия ад-Дином Гюмюшханеви. Он принадлежал к ответвлению Халидийа, известному своей социальной активностью. Шейх сразу же согласился стать наставником-муршидом паломника из Башкирии. Профессор Калифорнийского университета Хамид Алгар пишет: «Перед

отправлением в Хиджаз (область священных городов ислама — Мекки и Медины. — *С. Х.*) З. Расулев провел сорок дней в уединении вместе с З. Гюмюшханеви, укрепляя духовные узы со своим руководителем и полнее осваивая методы мистического пути Халидийа-Накшбандийа». Обучение прошло настолько успешно, что турецкий шейх дал З. Расулеву звание «полного, совершенного халифы (преемника. — *С. Х.*)», то есть право на обучение учеников с последующим их принятием в ряды братства Халидийа-Накшбандийа. Почему ему понадобилось вторичное посвящение? Дело в том, что его первый наставник шейх Абдулхаким Курбангалеев и его окружение, пребывая в состоянии фатализма, были социально пассивны. Их конформизм по отношению к власти и неприятие идеи модернизации башкирского общества не могли нравиться Зайнулле Расулеву. Поэтому он и искал духовного санкционирования своим культурно-религиозным инновациям, и как суфий, мог его найти только в лице нового шейха. Им и оказался Зия ад-Дин Гюмюшханеви. Завершив паломничество, Зайнулла Расулев в звании шейха вернулся на родину.

СОВЕРШЕННЫЙ ШЕЙХ

Как пишет башкирский историк Мурад Рамзи, живший на рубеже XIX и XX веков, сразу же после духовной практики под руководством Зия ад-Дина Гюмюшханеви Зай-

нулла Расулев «сподобился божественных «футухат» («откровений») и вернулся домой в качестве шейха «аль-камил», то есть «совершенного шейха». Слава о «святом» шейхе быстро разнеслась по всей Башкирии, Поволжью и Казахстану. За несколько месяцев проповеди и наставничества мюридами Зайнуллы Расулева стали несколько тысяч человек из числа башкир, татар и казахов. Он ввел новые методы психотехники и мистического пути Богопознания, а также «громкий зикр» (многократное поминание имени Бога), что было принято во вновь обретенном им братстве Халидийа-Накшбандийа, но чуждо местным традициям. Генерал-адъютант Крыжановский докладывал оренбургскому губернатору: «После его (Зайнуллы Расулева. — *С. Х.*) внушений многие из башкир стали предаваться шаманству, сопровождать молитвы криками, неестественными телодвижениями, доводя себя до безумного состояния». Если отбросить в сторону сугубо субъективные характеристики генерала, здесь речь идет о практике суфийских радений, во время которых мюриды нередко погружались в коллективный транс. Цель радений — достичь того или иного мистического состояния («халь»). Вступая на стезю мистического пути, называемого «тарикат», суфий проходил несколько так называемых стоянок — «макамов». Стоянка покаяния («тауба») полностью меняла психологическую ориентацию обращенного от мирской суеты к истине, абсолюту, который есть Бог.

Затем следовала стоянка воздержанности («зухд») — воздержанности от излишеств, от всего того, что удаляет от истины. Воздержание приводило путника на стоянку нищеты («факр»). Поскольку воздержание и нищета связаны с трудностями, за ними следует стоянка терпения («сабр»). Со стоянки терпения путник движется к стоянке упования («таваккул»), на которой представления о жизни связываются с одним днем, с представлением, что мир творится и уничтожается каждый миг. Поэтому, путник должен уповать только на Господа, не думая о завтрашнем дне: личная судьба, да и окружающая действительность перестают иметь для него какое-либо значение. Любой удар судьбы или удача переносятся с непоколебимым спокойствием. Пройдя эти стоянки, суфий переходит из стадии «тарикат» в стадию «хакикат», стадию Истины, становясь совершенным человеком. Далее следовала последняя из стадий — «магрифат». Достигнув ее, подвижники могли привести свою психику в такое состояние, когда их сознание как бы растворялось в объекте созерцания, то есть в Боге. Один из ранних мистиков Баязид Бистами так описывал свою встречу с Божественной реальностью: «Я пристально посмотрел на Него (Бога. — *С. Х.*) взором истины и сказал: «Кто это?» Он ответил: «Это не Я и не не-Я. Нет Бога, кроме Меня». Затем Он превратил мою самость в Свою... Затем я заговорил с Ним языком Его благости и промолвил: «Какова же участь моя с Тобой?» Он сказал: «Я при-

надлежу Тебе через тебя: нет Бога, кроме Тебя». Подобные мистические парадоксы стали основой учения о «фана», то есть растворении личности мистика в Боге, когда она, лишившись всех своих качеств и став, таким образом, духовным и интеллектуальным вакуумом, заполняется чистым сознанием Бога. В таком состоянии суфиям открывались все таинства бытия.

АРЕСТ И ССЫЛКА

Власти были напуганы размахом начавшегося движения. Почему? В 1870 году, когда шейх Зайнулла совершал паломничество в Мекку, из Киева в направлении священного города ислама отправился почетный пленник русского царя — знаменитый имам Шамиль. Вполне возможно, что в нескончаемом потоке паломников их разделяли считанные метры. Шейх Зайнулла и имам Шамиль принадлежали к одному суфийскому братству Накшбандийа, мало того — к одному и тому же его ответвлению Халидийа. Две личности: один легендарный воин, другой — смиренный шейх. Первый проповедовал «джихад руки», то есть «священную войну против неверных», второй — «джихад сердца», то есть «самосовершенствование».

Грандиозные башкирские восстания XVII–XVIII веков, несмотря на временный успех некоторых из них, в долгосрочной перспективе были обречены на поражение.

Последовавшие вслед за башкирскими восстаниями кавказские войны под руководством шейха Мансура, имамов Гази-Мухаммеда, Гамзат-бека и Шамиля также кончились поражением горцев. Ни башкиры, ни горцы Кавказа не могли рассчитывать на успех, сражаясь с одной из самых могущественных империй мира. Эти движения привели к депопуляции Башкирии и Кавказа, упадку хозяйственной жизни, истреблению национальной элиты. Прекрасно понимая это, шейх Зайнулла Расулев проповедовал противление злу не насилием, а нравственной силой. Схожие настроения охватили и завоеванные Дагестан и Чечню, где также возник «зикризм» как форма пассивного протеста: чеченский шейх братства Кадирийя Кунта-хаджи, как и Зайнулла Расулев, вводит «громкий зикр» и призывает народ к внутреннему совершенствованию. Однако он вскоре был арестован и сослан в Новгородскую губернию. Подобная же участь ожидала и Зайнуллу Расулева, так как власти увидели в мюридизме, развернувшемся в Зауралье, некое подобие движения имама Шамиля, а потому ждали повода для ареста популярного шейха. И повод нашелся...

Его первый наставник шейх Абдулхаким Курбангалеев был уязвлен тем, что Зайнулла Расулев избрал своим новым наставником Зия ад-Дина Гюмюшханеви. Возможно, он даже посчитал это предательством. Достоверно лишь одно — многим, в том числе и Абдулхакиму Курбангалееву, пришлась не по

душе практика громкого зикра, введенная Зайнуллой Расулевым. Хамид Алгар пишет: «...враждебность к З. Расулеву исходила из традиционалистских религиозных кругов, сохранявших лояльность к бухарским моделям религиозности и обучения и испытывавших подозрение к влиянию, исходившему из Турции и Хиджаза». Словом, опять просматривается столкновение двух течений — консерватизма и модернизма. С одной стороны, застывшая в глубочайшем кризисе традиция Средней Азии, с другой стороны — пробудившийся от вековой летаргии Ближний Восток. Муллам-ретроградам не нравилась восторженная проповедь шейха Зайнуллы, одухотворявшая паству и звавшая к социальной активности. Не нравилась им и система Ибн Араби, объявленная ими ересью, с ее свободой воли и идеей об имманентности здешнему миру Бога. Хамид Алгар пишет: «...несомненно, что первые доносы и обвинения в адрес З. Расулева исходили из круга последователей шейха Абдулхакима Сардаклы (Курбангалеева. — *С. Х.*)». Сам шейх к этому времени умер. Оклеветанный как еретик, Зайнулла был вызван для объяснений в Магометанское Духовное Собрание. Он сумел убедить муфтия Салимгарея Тевкелева в правоверности своего учения, и председателю Духовного Собрания ничего не оставалось, как взять с него расписку в том, что он более не будет заниматься наставничеством в качестве суфийского шейха, а останется лишь сельским имамом. Однако сложившейся

ситуацией решили воспользоваться губернские власти: коль мусульманское духовенство осудило его деятельность, то, стало быть, можно арестовать шейха за антиправительственную деятельность. Внучка Зайнуллы Расулева Сафуат Рахманкулова пишет: «...другие писали доносы на имя губернатора, обвиняя его в стремлении поднять восстание башкир против русского царя». Таким образом, по возвращении на место своей службы в качестве имама, в аул Аккужа, Зайнулла Расулев был арестован.

«ДЖАДИДИЙА» ЗНАЧИТ «ОБНОВЛЕНИЕ»

В XIX веке в Башкирии были десятки медресе. Наиболее известными были медресе в Стерлибаше, Стерлитамаке, Медиаке (село в Кунашакском районе Челябинской области), Каргалах (село под Оренбургом). Обучение в них велось в русле бухарских консервативно-схоластических традиций. Но вот в 80–90-х годах того же столетия и в начале XX века в Урало-Поволжье открывается ряд новометодных учебных заведений, сыгравших выдающуюся роль в культурной, научной и общественно-политической жизни региона. В Казани открывается медресе «Мухаммадийа», в Оренбурге — «Хусаинийа», в Уфе — «'Усманийа» и «'Алийа», в Троицке — «Расулийа». Последнее основано Зайнуллой Расулевым. В его медресе преподавали толкование Корана и Сунны, исламское вероуче-

ние, русский, тюркский и арабский языки, математику, историю, теологию, фикх (мусульманское право), логику, этику, географию, химию, физику, зоологию, естествоведение, то есть почти все отрасли тогдашнего знания. Новое направление в мусульманском образовании получило название «джадидизм» («обновленчество»), возникшее от арабского слова «джадид» («новый»). Сторонники реформы стали называться «джадидистами». Соответственно, консерваторы назывались «кадимистами» от арабского слова «кадим», то есть «старый».

Джадидизм не ограничивался сферой образования. Это было целое реформаторское движение, касавшееся всех сфер жизни. Новое мировоззрение, основанное на идеях модернизации, исламской демократии, антиколониализма, возникло под влиянием взглядов египетского богослова Мухаммада Абдо. Модернизация ислама, считал Абдо, возможна только при признании незыблемости Корана как «священной опоры» мусульманского общества. В то же время Абдо боролся с приверженцами «таклида», традиционалистами, которые отвергали право свободного, рационалистического толкования догм, выступал против слепой веры в схоластическое учение, созданное поздними теологами. В молодости Абдо испытал сильное влияние своего дяди — суфийского шейха Дервиш-Худара и был увлечен учением Ибн Араби. И хотя в зрелом возрасте он резко критиковал египетских суфиев, часто оказывавших-

ся обыкновенными мошенниками, и даже запретил издание «Мекканских откровений» своего недавнего кумира Ибн Араби за слишком рискованные, по его мнению, мысли, которые могли быть неправильно истолкованы незрелыми умами, все же из идей этого великого мистика и философа он усвоил веру в человеческий разум и свободу человеческой воли. Отвергая понимание религиозной веры как только внутреннего состояния, Абдо подчеркивал ее необходимую связь с практическими действиями. «Гордость за великое прошлое должна перерасти в строительство своего настоящего и будущего», — говорил египетский реформатор. Идеи Мухаммада Абдо были подхвачены основоположниками джадидизма.

ШЕЙХ ЗАЙНУЛЛА И ЕГО ВРЕМЯ

Был ли Зайнулла Расулев джадидистом? Из того факта, что в медресе «Расулийа» практиковались прогрессивные методы обучения, многие исследователи отвечают однозначно: да. Но сводить его многогранную личность к довольно плоскому стандарту «левого» мусульманина — многие из «джадидистов» затем переродились в эсеров и национал-коммунистов — было бы неправильно. Поэтому приведем мнение И. Р. Насырова, главного исследователя творчества знаменитого шейха: «...было естественным обращение мусульман различных сословий не к старой

суфийской верхушке, сросшейся с бюрократическими структурами официального духовенства, не к "джадидистам", а к "третьей силе", а именно, к шейху Зайнулле Расулеву и его сподвижникам, которые ставили своей задачей не просто индивидуальное спасение человеческой свободы через обращение к традиционным рецептам суфизма, то есть посредством напряжения внутренних сил и механического исполнения идущих из глубины средних веков традиционных суфийских обрядов, но и поиск облика "совершенного мусульманина", нестандартных форм "перевода" индивидуального опыта на общезначимый язык социальных действий, щадящих чувство религиозного "правоверия" и в то же время адекватных новой реальности».

Зайнулла Расулев жил в переломное время. XIX век был для башкирского общества эпохой глубокого духовного кризиса. Башкирские восстания XVII и XVIII веков принесли определенные положительные результаты (незыблемость вотчинного права башкир на землю, неприкосновенность исламской религии, личная свобода башкир и т. д.), но их кровавое подавление оставило глубокую моральную травму в душе народа. Ощущение бессилия перед беспощадным роком порождало глубокий пессимизм и уход от подавляющей реальности в прошлое. Русский писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк писал: «Мне сделалось ясным, почему башкир не может работать: он весь в прошлом. И какое прошлое! Начиная с Кучумовичей

и кончая последним батыром Салаватом, поднявшим восстание во время пугачевщины, в течение двухсот лет происходил неулегавшийся башкирский бунт. Это была геройская защита своей родины, и народ изжил в ней свои силы». Заслуга шейха Зайнуллы Расулева как раз и заключается в том, что он сумел вывести башкирский народ из состояния оцепенения, вдохнул в него надежду на лучшую долю. Путь, предложенный им, не заставлял башкир пресмыкаться перед царизмом, как пресмыкалось официальное мусульманское духовенство. Его путь давал возможность освободиться от рабства, идя с высоко поднятой головой.

XIX век был эпохой глубочайшего кризиса не только для башкир. Мусульманский Восток подвергся колониальной экспансии европейских стран. Превосходство Запада — военное и техническое — было слишком очевидным, чтобы не ввергнуть народы Азии в состояние депрессии. Как ответил мусульманский Восток Западу? Зарождением двух идеологий: модернизма в виде джадидизма и воинствующего ретроградства под названием ваххабизм. Зайнулла Расулев, как уже говорилось выше, в целом не разделял идей джадидизма, особенно его секуляризма. Не разделял он и идей ваххабизма, с их абсолютной трансцендентностью Бога, абсолютным фатализмом, не внушающим человеку ничего, кроме страха перед могуществом Всевышнего. Напротив, Зайнулла Расулев, как и все выдающиеся суфии прошлого, проповедовал

не страх и собственное ничтожество перед Богом, а любовь к Богу. В своей работе «Макалят Зайнийа» он подверг острой критике как ваххабитов, так и их идейного «отца», египетского богослова Таки ад-Дина ибн Таймийю (1263–1328), обвинив последнего в антропоморфизме, то есть уподоблении Бога человеку. В Коране есть выражения типа «око Аллаха», «трон Аллаха», которые суфии и исламские рационалисты толковали иносказательно, а ваххабиты буквально, видя в этом главный признак правоверия. Невозможность буквального прочтения Корана очевидна, так как Коран — закрытая книга для тех, кто не видит в его аятах тайного смысла. Это и пытался донести до своих читателей шейх Зайнулла, отстаивая правоверие суфизма. Писал он мало и неохотно, ибо, как говорит современный исследователь мусульманского мистицизма Александр Кныш, «суфизм — это в первую очередь "духовный атлетизм", суровая самодисциплина, психотехническая подготовка, которые совсем не обязательно находят отражение в письменном произведении».

НАСЛЕДИЕ ЗАЙНУЛЛЫ РАСУЛЕВА

В своей подвижнической деятельности шейх Зайнулла достиг высшей ступени суфийского Богопознания — «хакикат», и стал называться «кутб заман», то есть «Полюс времени». Мы даже отдаленно не можем

представить себе истинный смысл этого титула. Но его сподвижникам, посвященным в таинства мистического пути, он был понятен. Почему же они не описали словесно духовный подвиг своего наставника-муршида? Да потому, что, говоря словами Тютчева, «мысль изреченная есть ложь». Нельзя описать то, что не выражается в категориях здешнего мира. Поэтому оставим эту сферу деятельности шейха и коснемся лишь видимой части его жизненного пути.

Влияние «Полюса времени» на современников было огромным. Под духовным авторитетом его личности было воспитано целое поколение религиозных, общественных и политических деятелей, писателей и поэтов, ученых и педагогов башкирского, татарского и казахского народов, которые, в свою очередь, взрастили увеличивавшиеся в геометрической прогрессии последующие поколения национальной интеллигенции. Сегодня трудно найти какую-либо сферу жизни Башкортостана и окружающих регионов, с которой, хотя бы косвенно, не было связано имя Зайнуллы Расулева.

Одним из его мюридов был Галимджан Баруди, ректор казанского медресе «Мухаммадийа», введший во вверенном ему учебном заведении принципы джадидизма. Баруди был одним из основателей партии «Иттифак аль-муслимин» («Союз мусульман»), из членов которой была образована мусульманская фракция Государственной думы России. Впоследствии Баруди стал муфтием ДУМЕС

(1917–1921) и одним из руководителей Милли Меджлиса — высшего органа автономии мусульман Внутренней России и Сибири.

Другим мюридом Зайнуллы Расулева был Риза ад-Дин Фахреддин, крупный ученый, историк и муфтий ДУМЕС в 1923–1936 годах. Воспитанники шейха возглавляли десятки учебных заведений — медресе, школ, институтов, работали в правительствах Башкортостана, Татарстана, Казахстана и других республик. Татарский деятель начала XX века Джамаледдин Валидов писал о «десятках тысяч мюридов, большинство которых киргизы (т. е. казахи) и башкиры». В связи с этим Хамид Алгар делает замечание: «Не все эти мюриды обучались Зайнуллой-ишаном в Троицке, — он мог посылать своих студентов для пропаганды ислама и поднятия уровня религиозного знания среди казахов. Согласно одному сообщению, в начале XX века под влиянием Зайнуллы-ишана находились сотни мулл, мусульманских священников во многих городах и селениях Нижней Волги, Урала и Сибири».

Мюридами шейха Зайнуллы были писатель Мажит Гафури и отец А.-З. Валиди, который ежегодно совершал поездки к своему духовному наставнику. Во время одной из таких поездок произошла встреча шейха с будущим «отцом» Башкирской Республики Ахмед-Заки Валидовым. Зайнулла Расулев, обладая даром ясновидения, сразу заприметил юнца и устроил ему ряд испытаний. А.-З. Валиди впоследствии писал: «Если бы

не внимание и ласка высокочтимого шейха, кто знает, может быть, и я в свои пятнадцать лет, как и многие другие мои сверстники, стал бы обычным приказчиком у богатых торговцев». Но как известно, А.-З. Валидов стал одним из основоположников и практиков российского федерализма, крупным историком-востоковедом, первым руководителем Башкортостана.

Шейх Зайнулла Расулев умер в 1917 году, как бы предвидя грядущие потрясения, с четким сознанием значения совершенного им в деле воспитания когорт борцов за светлое будущее мусульманских народов России. Великий русский востоковед В. В. Бартольд в своей статье, приуроченной к смерти великого шейха, назвал Зайнуллу Расулева «духовным королем своего народа». Его невидимое королевство охватывало почти все стороны жизни российских мусульман. Например казахи, враждебно относившиеся к Кокандскому ханству и Бухарскому эмирату, а следовательно, и к духовной традиции этих среднеазиатских владений, нашли для себя в лице Зайнуллы Расулева того, кто без ущерба для их национального чувства мог стать для них духовным авторитетом. Не меньшим авторитетом он пользовался и у других народов — башкир, татар, крымцев, дагестанцев...

Вплоть до середины 70-х годов XX века ДУМЕС управлялся учениками-мюридами шейха Зайнуллы: в 1917–1921 годах муфтиями были Галимджан Баруди, в 1923–1936 годах — Риза ад-Дин Фахреддин, в 1936–1950 годах —

сын Зайнуллы Расулева Абдрахман Расулев, в 1951–1974 годах — Шакир Хияледдинов. Когда последний был еще шакирдом в медресе «Расулийа», Зайнулла Расулев в разговоре как-то сказал: «Терпение нашего народа беспредельно, как наша вера. Но Бог справедлив и желает вознаградить нас за наши страдания. Я не смогу дожить до этого дня, но ты, Шакир, сможешь дожить до того дня, когда ничто не сможет загородить свет истины». Зайнулла Расулев ошибся только в сроках исполнения своего пророчества, но не в его сути...

Салават Хамидуллин,
журналист, лауреат премии
имени Ш. Худайбердина (2000)

АРГУМЕНТЫ ЗАОКЕАНСКОГО УЧЕНОГО

Предлагаемая статья американского профессора, известного исламоведа Хамида Алгара о выдающемся сыне башкирского народа шейхе Зайнулле Расулеве, как нам кажется, интересна во многих отношениях, о чем и пойдет речь ниже. Несколько слов об авторе статьи. Хамид Алгар — профессор Калифорнийского университета, расположенного в г. Сан-Франциско в Соединенных Штатах Америки. Он выходец из Ирана, владеет несколькими классическими восточными (арабский, фарси, урду) и западноевропейскими языками. Х. Алгар — автор нескольких научных монографий по истории религиозной мысли и роли мусульманского духовенства в Иране, а также многих статей о суфийском братстве Накшбандийа. Одна из его статей и посвящена биографии, вернее научному изучению судьбы такой неординарной личности, как башкирский суфийский шейх Зайнулла Расулев (1833–1917).

Думается, было бы неуместно еще раз пытаться рассказать о судьбе видного суфий-

ского шейха Зайнуллы-ишана. Ведь профессор Х. Алгар так талантливо изложил все перипетии жизненного пути «Великого Шейха» в своей статье, сумел дать полную и исчерпывающую оценку роли Зайнуллы Расулева в общественной жизни не только башкир и татар, но и всех мусульман России конца XIX — начала XX веков. Нам остается только удивляться и восхищаться силой исследовательского дарования и размахом научного интереса заокеанского ученого, который бескорыстно трудился, чтобы вернуть башкирскому народу его законное духовное наследие, каковым является многолетняя деятельность Зайнуллы Расулева как педагога и просветителя, истинного подвижника, отдавшего все свои силы на защиту прав своего задавленного и замученного народа.

Профессор Хамид Алгар отстаивает свой тезис, согласно которому Зайнулла Расулев был не просто одним из общественных деятелей, осуществивших культурный подъем башкирского и татарского народов в конце XX — начале XX веков. По мнению ученого, *Зайнулла Расулев был едва ли не самой главной фигурой духовного возрождения башкир и татар в указанный период.*

Этот вывод Х. Алгара кардинально ломает привычные представления о башкирском народе как простом «объекте истории», т. е. как пассивном объекте, манипулируемом воздействиями исторических усилий других развитых народов — арабов, татар, русских и т. д. Исследователь аргументированно дока-

зывает, что глубокой ошибкой является попытка многих исследователей-историков изображать Зайнуллу Расулева как некоего блаженного старца, уважаемого среди простого народа, но глубоко чуждого просвещенной части татар и башкир из-за своей ангажированности в суфийских кругах. Наоборот, как указывает Х. Алгар, *многие инновации в культурной и общественной жизни мусульман Урала и Поволжья того периода стали возможными благодаря влиянию Зайнуллы Расулева, или даже прямому вмешательству шейха Зайнуллы.* Поэтому можно с полным основанием утверждать, что *выдвинувшая Зайнуллу Расулева башкирская нация должна рассматриваться и как субъект исторического процесса, активно вступающий в диалог с другими народами, создавая оригинальные формы исторического и культурного бытия.*

Свой вывод американский ученый обосновывает богатым фактическим материалом, собранным им из разных источников на арабском, русском, татарском, таджикском, английском, немецком и французском языках. Так что всякий, кто попытается возразить или не согласиться с профессором Х. Алгаром, должен сперва встать на тот же чрезвычайно высокий научный уровень, на котором стоит американский ученый, и овладеть как минимум несколькими западноевропейскими и восточными языками.

Последнее обстоятельство, относительно обязательности владения участниками науч-

ной дискуссии иностранными языками, нами выделяется совсем не случайно. Оно вызывается необходимостью положить конец начавшимся кое-где околонаучным разговорам и откровенным профанациям вокруг имени еще одного незаслуженно забытого сына башкирского народа, крупного суфийского шейха и башкирского историка *Мурада Рамзи* (род. в 1854 г.), автора книги по истории волжских булгар, башкир, татар, казахов и узбеков *«Талфик аль-ахбар»* (на арабском языке). Х. Алгар упоминает в своей статье о М. Рамзи и его книге. Книгу Мурада Рамзи читал юный Ахмет-Заки Валиди. Шейх М. Рамзи был другом отца А.-З. Валидова и посещал их дом. Его книга, судя по воспоминаниям Ахмед-Заки Валиди Тогана, пробудила в душе маленького Заки интерес к истории своего народа и к истории вообще. Профессор Х. Алгар прямо пишет, что М. Рамзи — башкир.

Но самый главный аргумент, подтверждающий башкирскую национальность М. Рамзи, содержится в биографических сведениях об ученом, которые он сам приводит в книге «Талфик аль-ахбар» в связи с биографиями трех мусульманских педагогов, являвшихся его кровными родственниками. Первый — Сахабутдин Зайнитдинов, родной дядя М. Рамзи со стороны матери, уроженец башкирского аула Нуркай Мензелинского уезда Уфимской губернии. Сахабутдин Зайнитдинов преподавал в башкирском ауле Такирмен Мензелинского уезда, что подтверждается

данными о башкирском ауле Такирмен Булярской волости, приводимыми в книге Ф. Г. Хисамитдиновой «Башкирская ойконимия в XVI– XIX вв.» (С. 194). Его отец Зайнитдин Нуркай тоже родился в деревне Нуркай и, как пишет М. Рамзи, в молодости служил в башкирском казачьем войске. Мурад Рамзи своей родной деревней называет башкирский аул Альмет Мензелинского уезда, что также документально подтверждается сведениями из книги Ф. Г. Хисамитдиновой о башкирском ауле Альметьево Булярской волости Мензелинского уезда. Мало того, шейх Мурад Рамзи также приводит свое шежере, генеалогический список своего рода, лично доказывая свою башкирскую национальность. (Как известно, у татар шежере отсутствует). Итак, обратимся к странице 412-й второго тома книги М. Рамзи, где речь идет о дальнем родственнике автора, мулле Габдрахмане бен Туймухамете аль-Биксураи аль-Тайсугани. Шейх Мурад Рамзи заявляет, что мулла Габдрахман является его родственником в одиннадцатом поколении, и в качестве доказательства приводит оба шежере-генеалогии: шежере муллы Габдрахмана и свое родовое шежере. Вот полное шежере шейха Габдрахмана:

Габдрахман (род. примерно в 1700 г.) — Туймухамет → Бикмухамет → Янбулат → Якуп → Сайман → Илес → Абдулла-бек → Бик-сура-хан.

А вот шежере самого Мурада Рамзи, приводимое им лично на странице 412-й второго тома этой же книги:

Мурад Рамзи (род. в 1854 г.) → Бахадиршах Абдулла → Гадельшах → Исхак → Тунельбай → Яниурса → Мырзагол → Баглай → Мырдаш → Мамаж → Мерке → Абдулла-бек → Биксура-хан.

Мурад Рамзи указывает на Абдуллу-бека, где сходятся его генеалогическая линия с линией шейха Габдрахмана, и пишет далее про их общего пращура Биксура-хана: «Имя это широко известно, но сведения о нем очень скупы. По одним сообщениям, он жил в верховьях реки Яик (Урал) в местности под названием Карагай. Но в нашем родовом шежере указывается, что Биксура-хан жил на берегу реки Ай в местности под названием Тышкы ялан и Чуберкуль, на Яике — в Карагае» (указ. стр.). Таким образом, сам Мурад Рамзи доказывает свою кровную принадлежность к весьма древнему и аристократическому клану восточных башкир. Остается только гадать об обстоятельствах, заставивших предков М. Рамзи перебраться на запад Башкирского края. Эти обстоятельства могут быть разными, как например, последствия подавления башкирских восстаний, генеральные межевания земель башкир-вотчинников в пользу припущенников и т. д. Нам же остается только посоветовать любому, кто сомневается в принадлежности Мурада Рамзи к башкирскому народу, выучить арабский язык и прочитать соответствующие места из книги «Талфик аль-ахбар», где автор сам приводит свои биографические данные.

Предпринятый Мурадом Рамзи в его книге глубокий экскурс в древнюю историю

тюрков проделан автором для выстраивания общего исторического контекста, в рамках которого и происходит историческое развитие мусульман Поволжья и Урала. Да-да, именно мусульман Поволжья и Урала. Здесь нет никакой путаницы или небрежности в использовании этнических и религиозных терминов ни со стороны Мурада Рамзи, ни со стороны автора-переводчика данной статьи, изучившего книгу М. Рамзи. Автор книги «Талфик аль-ахбар» не путает татар с башкирами и не пытается навязывать «татарское» происхождение башкир. Тем не менее читающий его книгу обратил бы внимание на обостренное внимание М. Рамзи на проблему исторического происхождения татар, их отношения к волжским булгарам, и одновременное почти полное умалчивание историком национальной принадлежности видных религиозных деятелей и педагогов Татарстана и Башкортостана XVIII, XIX и XX вв.

Первое, что может прийти на ум неискушенному читателю, — это мысль, что Мурад Рамзи был одним из «татаризовавшихся» западных или северо-западных башкир, из-за полученного им преимущественно на татарском языке образования. Но дело тут вовсе в другом. Мурад Рамзи был истинным патриотом своего башкирского народа. Стоит только прочитать главы из его работы, посвященные истории башкирских восстаний и их подавления, чтобы осознать, что ради объективного освещения событий и защиты самым жестоким образом попранных прав башкир

Мурад Рамзи был готов пойти на любые лишения. Его не испугали перспективы войти в конфликт с русским правительством, русской православной церковью, с погрязшей в косности и продажности верхушкой мусульманской религиозной бюрократии. *Шейх Мурад Рамзи гневно клеймит тех татар, мишарей и казахов, которые, подкупленные посулами царского правительства, приняли позорное соучастие в карательных операциях русских по подавлению башкирских восстаний.* Он детально вскрыл весь механизм русской политики по осуществлению раздробления единого башкирского этноса путем заселения на земли казненных и сосланных башкирских повстанцев колонистов извне — русских, татарских, марийских и т. д. крестьян. М. Рамзи приводит цифры о численности казанских татар, принявших участие в подавлении башкирских выступлений. Он прямо указывает на вероломное поведение татар из Каргалов (торговый посад близ г. Оренбурга) и казахских ханов, нарушивших свои обещания, данные башкирским повстанцам в 1755 году, и принявших активное участие в натравливании рядовых татар, мишарей и казахов на башкир и их семьи. М. Рамзи сообщает в связи с этим о неслыханных актах предательства татарских мулл и отвратительных сценах вероломного нападения казахов на беззащитных женщин-башкирок и их детей, надругательствах над ними. И это в то время, когда башкиры вели неравную борьбу с русской военной машиной, преданные татарами и казахами в самый

отчаянный момент. *Осуждая предателей, Мурад Рамзи гневно задается вопросом: «Разве можно назвать их людьми, тем более мусульманами?!»* (Т. 2. С. 214).

По-видимому, именно в таких местах своей книги Мурад Рамзи наиболее решительно порывает с изжившей себя к концу XIX века общей традицией образованных башкир рассматривать историю своего народа всего лишь как «частный момент» в «едином» течении «всеобщей истории» мусульман Волги и Урала. Завоевание русскими татарских ханств и включение татар и башкир в состав единого Русского государства, утрата татарами национальной государственности, сведение всех татар и башкир под юрисдикцию единого мусульманского бюрократического аппарата привели к возникновению неизвестного до сих пор типа этнической самоидентификации жителей Поволжья и Урала. На первый план выходит религиозный тип этнического самосознания, т. е. человек осознавал себя сначала как мусульманин, а затем башкиром или татарином. Этот явный перекос усиленно поддерживался за счет пропаганды *мифа о «булгарском» происхождении татар,* призванный обеспечить гегемонию татарского этноса над народами бывшей Золотой Орды.

Американский историк и исламовед *Аллен Франк убедительно доказал фальшивость всех этих многочисленных «Тауарих Булгария», составленных самое раннее в XVII веке и навязывающих явную ложь о принятии волжскими булгарами ислама*

из рук сподвижников пророка Мухаммеда. Все эти сфабрикованные подделки под названием «Тауарих Булгария» были сочинены, как разъясняет А. Франк, для выстраивания некоей «единой» и «непрерывной» линии развития истории мусульман Поволжья и Урала с духовным и культурным лидерством «волжских булгар», т. е. татар (См. Аллен Франк. Каталоги мусульманских гробниц и общинная география в Волго-Уральском регионе: 1788–1917 // Исламские исследования. Оксфорд, Великобритания, на английском языке).

Основной целью создателей этих псевдоисторических подделок под громкими названиями «Тауарих Булгария» и их версий *было удовлетворение желания татарского духовенства и купечества осуществить реванш после утраты своей государственности и установить культурную гегемонию татар* среди народов Поволжья, Урала, Сибири, Казахстана и Средней Азии.

Надо признать, что данный *миф о «булгарском» происхождении татар* имел широкое хождение и среди образованных башкир конца XVIII — начала XX веков. Мы можем указать на нескольких башкирских историков, отдавших дань «булгарской» традиции в своих исторических изысканиях. Это башкир Тажетдин Ялсыгулов, сочинивший версию «Тауарих Булгария», чтобы подогнать историю башкир к «генеральной» истории татар. Молодой Ахмет-Заки Валиди в самом начале своей первой исторической книги «История тюрков и татар» упоминает

о «наших булгарских пращурах», вынужденный считаться с господствующей традицией. А шейх Мурад Рамзи не только принимает миф о «булгарской основе» истории и всей культуры мусульман Поволжья и Урала, но и трактует историческое месторасположение городища Булгар как некий мистический и сакральный центр всей мусульманской цивилизации Волго-Уральского региона, беспрерывно генерирующий во все стороны некие животворящие силы религиозного и культурного характера. Он даже совершил паломничество в эти «святые места».

Как видим, М. Рамзи в своей книге ведет себя отнюдь не как суфийский шейх, от которого привычно ожидают, что все превратности мира он объяснит одной фразой: «Все от Бога». Не случайно принципиальность М. Рамзи в отстаивании идеи национальной независимости тюрков, открытое осуждение им политики насильственной христианизации народов Поволжья и Урала, критика чванливых и продажных религиозных руководителей мусульман, ахунов и муфтиев нашли отклик в душе будущего крупнейшего историка-тюрколога Ахмет-Заки Валиди Тогана. Нам остается пожелать быстрейшего завершения перевода книги М. Рамзи «Талфик аль-ахбар» на русский и башкирский языки для включения ее в научный оборот и ознакомления широкой общественности с этой книгой.

Ильшат Насыров, кандидат философских наук

М. Рамзи

«ТАЛФИК АЛЬ-АХБАР»

(отрывок из книги, опубликованной в Оренбурге в 1908 году на арабском языке)

Перевод с арабского Ильшата Насырова

Я нахожу уместным завершить повествование о благоухающих мускусом биографиях ученых и служителей религии ислама нашего края изложением жизненных обстоятельств «Печати» благородных суфийских шейхов, живого напоминания облика первых праведных мусульман, воплощения довода поздних поколений мусульман [в качестве оправдания перед первыми поколениями мусульман], *«муршида»* (суфийского учителя-наставника) *«талибов»* (начинающих суфиев), образца *«василун»* (суфиев, преодолевших весь Путь к Богу), шедевра *«'арифов»* («просветленных» суфиев, постигших божественные истины), помогающего *«саликун»* (суфиям, идущим к Богу) достичь конца Пути, опоры для суфиев, постигающих откровения свыше, *«киблы»* (направления) обладателей сокровенных знаний, шейха шейхов этого края, эталона для благородных мужей, *«киблы»* (направления) для обращения надежд, — *«мауланы»* (нашего господина), шейха Зайн Аллаха ибн Хабиб Аллаха аш-Шарифи

ат-Троиски (Троицкого) ан-Накшбанди ал-Муджаддиди ал-Халиди, да поможет ему Аллах взять под сень своего духовного руководства как можно больше *«талибов»* (начинающих суфиев-муридов)! Аминь!

Шейх Зайн Аллах родился в селе Шариф Троицкого уезда (в с. Шарип Учалинского района Республики Башкортостан. — *Пер.*) в начале месяца Зу-ль-хиджжа 1248 года хиджры (28 марта 1833 г. по х. л.) в дни священного праздника Курбан-байрам. Его нарекли именем после окончания праздничной молитвы *(салат ал-'ид)* 5 апреля 1833 года. Его прадед в седьмом поколении, шейх Мурад Кабул, был известен своей святостью *(вилайа)* в тех краях. В детстве Зайн Аллах получил начальное образование в медресе (мусульманском учебном заведении) муллы Йа'куба в селе Ахун (с. Ахуново Учалинского района РБ. — *Пер.*). Затем юный Зайн Аллах отправился для продолжения своего образования в город Троицк, где получил образование в медресе муллы Ахмада ибн Халида ал-Мункари ат-Троиски (Троицкого). Юный Зайн Аллах в годы своей учебы прославился своими необыкновенными способностями и силой ума. В период своего проживания в Троицке молодой Зайн Аллах в составе каравана отправился в путешествие в Бухару, которое длилось целый год. Он был вынужден вернуться назад из-за отсутствия возможности достичь своей цели (продолжить учебу в Бухаре) по причине сильного противодействия царского правительства контак-

там российских мусульман с Бухарой и наличия царских агентов, расставленных на всех дорогах и переправах (по причине, уже вышеупомянутой нами. — *М. Рамзи*).

Зайн Аллах (ар-Расули) завершил учебу в вышеуказанном медресе и был назначен имамом (мусульманским священнослужителем) и *мударрисом* (учителем) мечети в деревне Хак Хаваджа («Истинный шейх-ходжа» — современное село Аккужа в Учалинском районе РБ. — *Пер.*), расположенной недалеко от его родного села. Зайн Аллах ар-Расули был уже в состоянии полной подготовленности [к вступлению в суфийское братство], не удовлетворялся явным (обычным, экзотерическим религиозным) знанием *(захир)*, а напротив, он желал быть осчастливленным приобретением тайного (эзотерического, суфийского) знания *(батин)*. Он прошел в первый раз обряд инициации (вступления) в муджаддидийскую ветвь суфийского братства Накшбандийа под руководством шейха ʻАбд ал-Хакима Сардаклы, да смилуется над ним Всевышний Аллах! Линия духовной преемственности *(силсила)* шейха Зайн Аллаха ар-Расули восходит к *маулане* (господину), шейху Мухаммаду Ма'суму ибн Имам Раббани (сыну Ахмада Сирхинди), да очистит Аллах «зеркало» его сердца *(сирр)* через семь посредников. Затем шейх Зайн Аллах ар-Расули удостоился чести совершить хадж-паломничество в Мекку в 1287 году хиджры (в 1869 г. по х. л.). [В Стамбуле] шейх Зайн Аллах ар-Расули [во второй раз] совер-

шил обряд вступления в братство Накшбандийа под руководством шейха Ахмада Дийа' ад-дина аль-Кумушханави [Гумушанави] ал-Истамбули ал-Халиди, да смилуется над ним Всевышний Аллах! Шейх Зайн Аллах ар-Расули провел [вместе с шейхом Ахмадом Дийа' ад-дином] в затворничестве 40 дней, так как шейх Зайн Аллах ар-Расули обладал полной подготовкой для вступления в высокое братство Накшбандийа-Халидийа. И почти сразу шейх Зайн Аллах ар-Расули сподобился божественных откровений *(футухат)*. Затем он вернулся на родину в качестве совершенного шейха *(камил)*, обладая прочной духовной преемственностью с шейхами Накшбандийа. Он приступил к воспитанию суфийских учеников-муридов согласно требованиям новой духовной преемственности Накшбандийа-Халидийа. Возле шейха Зайн Аллаха ар-Расули собралось огромное количество муридов. Слава о нем разнеслась во все стороны. Народ полностью обратился к нему и отказался от остальных [суфийских] шейхов. Среди халифов-преемников его бывшего шейха ['Абд ал-Хакима] вспыхнула сильная зависть из-за того, что шейх Зайнулла превзошел их всех. Большинство учеников шейха Зайн Аллаха ар-Расули [в ходе исполнения суфийских психофизических упражнений] впадали в состояние сильнейшего *джазба* (экстаза) [безудержного влечения к Богу]. Во время совместных с шейхом исполнений *зикров* среди его муридов происходили случаи [непроизвольного] испуска-

ния криков и воплей [в результате впадения в состояние транса и экстаза]. Этим воспользовались его недоброжелатели и стали использовать такие случаи как повод для поношения шейха Зайн Аллаха ар-Расули, заключения его в тюрьму и отвращения сердец людей от него. Его недруги подали жалобу правительству, утверждая, что шейх Зайнулла — обладатель [дьявольского] волшебства и что он притягивает с его помощью к себе сердца людей, что он такой-то и такой-то... А правительство, как ты, читатель, уже знаешь, искало малейший повод для унижения мусульманских *'улама'* (ученых-богословов) и высылки их в отдаленные местности...

Когда шейх Зайн Аллах ар-Расули вернулся на родину, он получил от состоятельного Хабиб Аллаха-бая приглашение переехать в г. Троицк и обосноваться там в качестве имама, учителя и суфийского наставника-*муршида*. Шейх Зайн Аллах ар-Расули принял его приглашение и переехал в указанный город. Хабибулла-бай построил для него мечеть и медресе на улице Амурской. Шейх и наш *маулана* (господин) Зайн Аллах ар-Расули переименовал эту улицу для себя в улицу Ма'мурийа («заселенная»). Так и произошло, так как на этой улице были построены мечеть и *ханака* (суфийская обитель), здесь поселились видные ученые и преподаватели. Со всех сторон сюда потянулся народ, благодаря благодати прибытия сюда шейха Зайнуллы. По воле Всевышнего Аллаха шейх

Зайн Аллах ар-Расули удостоился заслуженного приема и всеобщего признания со стороны народа. Со всех краев ехали люди учиться в его медресе и вступить под его руководством в братство Накшбандийа-Халидийа. Желающие учиться у него прибывали каждый день. Шейх Зайн Аллах ар-Расули, исходя из возросших требований, расширил медресе — иногда за свой счет, иногда за счет средств богатых башкир, казахов и татар. Его медресе, возведенное из камня и кирпича в 1323 году хиджры (в 1904 г. х. э.), не имеет себе подобных в тех краях и может быть сравнено разве что с медресе «Мухаммадийа» Казани и медресе «Хусаинийа» Оренбурга. Основные расходы по строительству медресе шейх Зайн Аллах ар-Расули оплатил сам. Говорят, что он внес 8 000 рублей. Он также построил «мусафирхану» (гостевой двор, караван-сарай) для приезжих гостей. Также шейх Зайн Аллах отвел первый этаж своего дома под библиотеку и поместил туда все свои книги в качестве *вакфа* (неотчуждаемая собственность). Он поручил заведовать делами библиотеки своему ученику, мужу своей внучки, мулле Салах ад-дину-эфенди ибн Мулла Хусн ад-дину, который родился в селе Николаевское, что расположено между гг. Оренбургом и Орском, да хранит его Всевышний Аллах! Шейх Зайн Аллах поручил ведение дел «мусафирханы» (гостевого двора) своему халифе (духовному приемнику) Харидазе ибн халифа Мухаммадйару, который (т. е. Мухаммадйар) был одним из первых

учеников шейха Зайн Аллаха, прибывших вместе с ним в Троицк. Шейх поручил Харидазе управлять «мусафирханой» (гостиницей для его приезжих гостей).

Одним словом, его мечеть, здания медресе, мусафирхана, его дом и дома его детей занимают половину улицы. Двери его дома каждый день, с утра до *«'аср»* (время послеполуденной, третьей молитвы), осаждает толпа теснящих друг друга людей, которые просят шейха Зайн Аллаха ар-Расули, чтобы он с помощью Всевышнего Аллаха вылечил их от внешних и внутренних (телесных и душевных) болезней. Действительно, шейх Зайн Аллах, да продлит Аллах ему жизнь, является целителем душевных недугов и врачевателем телесных болезней. Его стол всегда полон еды в течение всего дня для гостей, и эта еда предоставляется всем: взрослым и детям, богатым и бедным. Шейх не знает ни минуты для отдыха, кроме как после обеда на один час. Он полностью жертвует собой для принесения пользы рабам Аллаха. Шейх Зайн Аллах имеет в своей собственности летнюю дачу недалеко от Троицка. Эту дачу можно назвать земным раем. Но шейх только изредка живет в ней в летний период. Ибо он, как Хваджа Хафиз аш-Ширази, не захотел жить в роскоши, когда много людей страдают от голода и холода. Шейх Зайн Аллах сказал: «Как я оставлю этих бедных и обездоленных, как я могу разочаровать их в надеждах и избрать для себя роскошь и негу?» Вот так проявляются настоящие человечность, благо-

родство, самопожертвование и принесение пользы людям в противовес абстрактным рассуждениям и призывам языком. Воистину, любовь людей достается тому, кто несет людям добро!

...Одним словом, можно сказать, что шейх Зайн Аллах ар-Расули, да раскинется вширь его благословенная сень, сравним с божественным имамом Ахмадом Фаруки Сирхинди и с *мауланой* Халидом, да очистит Аллах «зеркала» их сердец *(асрар)*, в славе, известности и совершенстве со всех сторон. Представители многих [мусульманских] народов прибывают к нему со всех континентов и сторон света, чтобы получить от него указания к истине, независимо от их принадлежности к различным расам и сословиям. Шейх Зайн Аллах добился признательности людей и привлек их сердца к себе благодаря явлению (демонстрации) своих *карамат* (чудес) с помощью Всевышнего Аллаха, который дарует *карамат* тому, кому Он пожелает из своих рабов. Никто не в силах постичь волю Божью в этом деле. Ясно, что перечисление достоинств шейха Зайн Аллаха займет огромный том. Поэтому мы ограничимся тем количеством страниц, которое мы отвели здесь. Воистину, в капле отражается море, а малое указывает на большее! Да продлит Аллах, Велик Он и Всемогущ, жизнь шейху Зайн Аллаху и дарует ему величие!

ИСТОРИК МУРАД РАМЗИ – АВТОР «ТАЛФИК АЛЬ-АХБАР»

Часто жизненный путь талантливых и незаурядных людей складывается драматически и трагически, и мы не удивляемся, что им приходится терпеть тяжелые испытания и потери. Но забвение личностей, внесших существенный вклад в культуру, выпадение их имен из исторической памяти людей, — это ли не самая горькая несправедливость? Мурад Рамзи — один из таких незаслуженно забытых сыновей башкирского народа. Конечно, его жизнь пришлась на самые драматические годы истории России — бурные годы Октябрьской революции, Гражданской войны и смены общественно-экономического уклада всей страны. Это в какой-то мере оправдывает вину потомков перед Мурадом Рамзи: ведь в те годы исчезали не только отдельные личности, напротив, гибли тысячи людей, прекратила свое существование целая общественно-экономическая формация.

Шейх Мурад Рамзи (полное имя Мурадулла ибн Бахадиршах Абдулла) — один из видных представителей мусульманской науки

и религии, которые в конце XIX — начале XX вв. осуществили культурный и религиозный подъем не только татарского и башкирского народов, но и оказали благотворное воздействие на общие процессы духовного возрождения мусульманских народов Российской империи. Сегодня в западной и арабской научной среде его знают как мусульманского ученого-историка, автора двухтомного исторического произведения «Талфик аль-ахбар», посвященного истории тюрков, проживавших в царской России — башкир, казахов, волжских булгар, казанских татар, узбеков, ногайцев, — и ислама на огромных территориях бывшей Российской империи. Это произведение на Западе давно вошло в научный оборот, его использует в качестве научного источника, в частности, Хамид Алгар, профессор Калифорнийского университета. Один экземпляр книги шейха М. Рамзи хранится в отделе редких книг библиотеки университета короля Сауда в королевстве Саудовская Аравия. Следует сразу оговориться, что почетный титул «шейх» Мурад Рамзи получил исключительно за свои заслуги в области исторических изысканий и в деле просвещения мусульман, а не за деятельность в качестве суфийского наставника-муршида, которым он не был. Он был *мюридом* (учеником) суфийского братства-тарикат Накшбандийа, и солидную часть своей книги «Талфик аль-ахбар» он отвел для изложения биографий видных суфийских шейхов

Поволжья, Урала и Северного Кавказа, настоящих духовных наставников-*муршидов*.

Сведения о шейхе М. Рамзи, к сожалению, обрывочны и фрагментарны. Немного информации о его жизненном пути можно почерпнуть из научной статьи профессора Х. Алгара о Зайнулле аш-Шарифи (Расулеве) ан-Накшбандийа — выдающемся башкирском суфийском шейхе, мусульманском теологе, опубликованной в сборнике под названием «Мусульмане Средней Азии». (Лондон, 1992, на англ. языке.) Некоторые сведения о своей биографии приводит сам шейх М. Рамзи во втором томе книги «Талфик аль-ахбар». Все это дает нам возможность выявить основные вехи его биографии, даже его родословную, генеалогическое древо, то, что башкиры называют «шежере» (в переводе с арабского «дерево»).

Мурад Рамзи родился в 1854 году в башкирском ауле Альмет Булярской волости Мензелинского уезда Уфимской губернии, по национальности башкир. Это подтверждается приводимой им самим его родословной. Отец его родного дяди, мулла Зейнуддин Нуркай, служил в качестве полкового имама в Башкирском казачьем войске. Родословная М. Рамзи выглядит следующим образом: Мурад Рамзи (Мурадулла) → его отец → Бахадиршах Абдулла → Мырзагол → Бахлай → Марзаш → Мамаж → Мерке → Абдулла-бек → Биксура-хан. Имя его пращура, Биксуры-хана, упоминается в некоторых башкирских легендах, где тот изображается как

храбрый защитник башкир от иноземных захватчиков.

В юности М. Рамзи учился в городе Троицке Челябинской губернии. Одним из его учителей был Шарафетдин ибн Махди, его земляк родом из башкирского аула Дусмет-Тирмэ Байлярской волости Мензелинского уезда Уфимской губернии. Известно, что Шарафетдин 12 лет изучал религиозные науки в Бухаре. В Троицке М. Рамзи учился в медресе 3-й городской мечети, построенной на деньги богатого башкирского мецената Гайса-бая. Известно имя еще одного из учителей М. Рамзи — Мухаммад ибн 'Абд аз-Захир Рахмангол, родившийся в Троицком уезде, также получивший религиозное образование в Бухаре. Несомненно, что Мурад Рамзи в Троицке, усваивая обычные религиозные знания, также приобщился к суфийским знаниям и там же вступил в братство-тарикат Накшбандийа. После получения образования в Троицке шейх Мурад Рамзи продолжил обучение в Бухаре, провел несколько лет в Поволжье и на Урале, занимаясь составлением своего исторического труда, а затем переехал на постоянное местожительство в Медину (Саудовская Аравия).

Основным занятием шейха Мурада Рамзи стало изучение истории российских тюрков и ислама в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири. Свою книгу «Талфик аль-ахбар» (полное название «Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вака'и' Казан ва булгар ва мулук ат-татар», или «Труд по истории Каза-

ни, булгар и татарских царей») М. Рамзи начал составлять в 1892 г. и завершил в 1907 г. В 1908 г. при финансовой поддержке шейха Зайнуллы Расулева аш-Шарифи, видного башкирского суфия и ректора мусульманского медресе «Расулийа» г. Троицка, эта книга была издана в Оренбурге.

Выход в свет книги шейха Мурада Рамзи вызвал большой резонанс. Царская цензура расценила произведение М. Рамзи как «открытое оскорбление православной церкви и прямое подстрекательство российских мусульман против русских» (Х. Алгар). Большая часть тиража его книги была изъята и сожжена. Действительно, автор составил свое произведение с учетом национальных и религиозных интересов своего народа, и его исламские и пантюркистские идеи резко расходились с официальной идеологией Российской империи.

Сама историческая книга шейха М. Рамзи «Талфик аль-ахбар» представляет ценность сразу в нескольких отношениях. Во-первых, как письменный памятник башкирской историографии конца XIX — начала XX вв. Во-вторых, книга является письменно зафиксированной вехой в развитии национального самосознания и этнической самоидентификации башкир указанного периода. В-третьих, сама структура книги М. Рамзи, способ освещения им истории тюркских народов, методы привлечения письменных источников других историков, как мусульманских, так и русских и западноевропейских, — все это

помогает в какой-то мере реконструировать образ мышления, менталитет довольно распространенного типа башкирского интеллектуала конца XIX – начала XX вв. Это был тип башкирского интеллигента с ярко выраженной претензией на духовный аристократизм, на принадлежность к «образованному меньшинству», возвысившегося до свободного диалога с общемусульманской, русской, татарской и западноевропейской культурами. С другой стороны, этот же башкирский интеллигент ясно осознавал свою непривилегированность, обычность и ординарность своей судьбы, схожей с судьбами его простых соплеменников-башкир в Российской империи, понимал общезначимость испытаний и страданий, которым господствующая русская колониальная власть грубо подвергала образованных башкир наряду с рядовыми соплеменниками.

Что же касается собственно содержания книги шейха М. Рамзи, то она представляет собой изложение исторического развития гуннов, тюрков, славян, мадьяр, готов древнейших времен до Средневековья. Затем автор суживает свое внимание исключительно на истории Золотой Орды и ее культуры, народов, ее населявших, изучая взаимоотношения татарских ханств с быстро растущим молодым Русским государством. Наконец, шейх Мурад Рамзи переходит к последней части своих исторических штудий, где он исследует историю завоевания Поволжья, Урала и Западной Сибири Россией и послед-

ствия этих событий для народов Волжско-Уральского региона, судьбы которых и являются предметом особой заботы шейха Мурада Рамзи в силу его этнического происхождения и его пребывания в качестве мурида в рядах братства-тариката Накшбандийа, что обязывало его заботиться о судьбах «неосвященных», то есть, основной части мусульманского населения Поволжья и Урала. Особую ценность представляет биобиблиографический материал о более чем ста пятидесяти видных религиозных деятелях, в основном, из татар и башкир, (но есть сведения о некоторых ученых Дагестана), осуществлявших культурно-просветительскую деятельность в XVIII–XIX вв. Шейх Мурад Рамзи уделил несколько страниц для изложения биографии шейха Зайнуллы аш-Шарифи (Расулева) ан-Накшбандийа, своего духовного наставника, и очень тепло пишет о нем, высоко оценивая его как человека и религиозного деятеля.

Книга шейха Мурада Рамзи выгодно отличается от произведений подобного жанра других мусульманских ученых этого региона. Свою книгу М. Рамзи написал на арабском языке, но уже использовал передовой опыт, перенятый им от русских и западноевропейских историков. Свое произведение М. Рамзи делит на главы, параграфы, приводит список использованных трудов. Его книга снабжена рисунками, схемами, таблицами и планами исторических мест. Именно в книге М. Рамзи мы видим переход к принципиально новому

методу исторического исследования. Например, при анализе масштабов колонизации Башкирского края, способов подавления царскими властями грандиозных башкирских восстаний и путей расхищения колонизаторами башкирских земель М. Рамзи оперирует статистическими данными, выясняет роль экономического фактора в политике русского правительства, разъясняет отрицательные последствия перевода башкир в военно-казачье сословие. Произведение М. Рамзи составлено на основе большого количества исторических материалов. Но самое главное, шейх М. Рамзи аргументированно критикует неверные подходы русских историков к освещению истории российских тюрков и ислама на территории Российской империи.

Принципиальность шейха Мурада Рамзи в отстаивании идеи национальной независимости тюрков, открытое осуждение им политики насильственной христианизации народов Поволжья и Урала, критика чванливых и продажных местных чиновников нашли отклик в душе будущего крупнейшего историка-тюрколога Ахмет-Заки Валиди Тогана (1890–1970), основателя Башкирской республики. Теперь можно объяснить причину большого успеха молодого Ахмет-Заки Валиди Тогана, выпустившего в свои неполных двадцать два года, в 1912 году книгу «История тюрков и татар». Эта книга по структуре почти совпадает со структурой книги шейха Мурада Рамзи. Разумеется, нельзя обвинить Ахмет-Заки Валиди в механическом перепи-

сывании, но следует признать тот факт, что он написал свою книгу под сильным влиянием произведения шейха Мурада Рамзи. Тем более, что Ахмет-Заки Валиди в своих «Воспоминаниях» пишет, что книгу шейха Мурада Рамзи он прочитал еще в рукописи, так как шейх был дружен с отцом и дядей его, часто посещал дом его отца в селе Кузян (современный Ишимбайский район РБ) и оставлял там мулле Ахматшаху черновики своего произведения для просмотра.

Нам остается надеяться, что среди российских мусульман найдутся люди, неравнодушные к историческому наследию исламских ученых России, которые окажут действенную помощь для осуществления перевода книги шейха Мурада Рамзи с арабского языка, чтобы с ней мог ознакомиться широкий читатель, интересующийся историей и культурой мусульманского мира.

Ильшат Насыров,
кандидат философских наук

ПАМЯТЬ НАРОДА

Биография Зайнуллы-ишана Расулева связана с деревней Юлдашево (Аккужино) Учалинского района, поэтому мне как фольклористу было интересно выяснить, что знают аккужинцы о нем. Конечно, через девяносто лет после смерти ишана Зайнуллы надеяться на то, что остались люди, знавшие или видевшие его, было немыслимо. Но оставалась одна надежда — это память народа. Не мог народ начисто забыть такого великого человека.

Первым своим информатором* я выбрала заведующего музеем Юлдашевской общеобразовательной школы им. Зайнуллы-ишана Расулева Нуретдинову Муниру Кабировну. Она — не уроженка д. Аккужино, но почти тридцать лет прожила здесь. 19 февраля 1998 года постановлением администрации Учалинского района и г. Учалы школе было присвоено имя легендарной личности, поэтому мне казалось, что за десять лет накоплен

---

* Материалы записаны автором 13–14 марта 2008 года.

какой-то материал и заведующий музеем меня ознакомит с ним. К сожалению, имя школе дали и успокоились. Кроме газетной статьи известного журналиста Рауфа Насырова в двух номерах районной газеты «Яик» и статьи доктора филологических наук Р. З. Шакурова в его книге «Известные личности», не было никакой информации. Правда, когда я пришла в школу, Мунира Кабировна делала стенд из фотографий, связанных с местами пребывания Зайнуллы-ишана в г. Троицке, а директор школы старательно вводил имевшиеся в школе материалы о Зайнулле-ишане на электронные носители.

От Муниры Кабировны я записала сведения о том, что в деревне Аккужино учениками Зайнуллы-ишана были три человека: Садыков Ахметьян, Магасумов Багаутдин, Имашев Мухамет (При разговоре с последующими информаторами к первым двум фамилиям претензий не было, но про третьего сказали, что он учился недолго. — *Г. Х.*). На мой вопрос: «Как звали жену Зайнуллы-ишана?», информатор неуверенно ответила: «Кажется, Карима. Вы, пожалуйста, у Зили Ринатовны спросите об этом». Та ответила: «Я звонила своей тете Гаухар. Она сказала, вроде бы ее звали Лябиба», т. е. на свой вопрос я не получила убедительного ответа. Мунира Кабировна также поделилась своими знаниями о незаурядных способностях ишана. Например, якобы будучи в гостях у губернатора, Зайнулла-ишан повел себя очень странно: две чашки чая, которые ему налили, он вылил через окно, что сильно возмутило

губернатора, Зайнулла-ишан объяснил свой поступок тем, что помог потушить огромный пожар в городе Самара. Рассказывали, что, когда его посадили в тюрьму, замки сами по себе открывались; что надгробный камень Зайнуллы-ишана в г. Троицке со всех сторон отколотый: бесплодные женщины откалывали камешек, разбавляли в воде, пили и якобы беременели. Потом она через окно указала на «гору Авлии» и сказала: «Вот на той горе Зайнулла-ишан и собирал народ, потому что много народу с округи приходило слушать его, а мечеть была маленькая — все не умещались. Поэтому и назвали ту гору «горой Авлии». А еще говорят, что на деревенском кладбище похоронен отец Зайнуллы-ишана, приехавший к сыну в гости и скоропостижно скончавшийся». Пусть этот и последующие информаторы в чем-то ошибались, может и путались, возможно, что-то они слышали, что-то читали, но то, что они это рассказывали, было очень важно. Мунира Кабировна с теплом и нежностью вспомнила ученика Зайнуллы-ишана Имашева Мухамета (в народе его называли «Магзум-бабай», что означало «исполняющий обязанности муллы в самое трудное для исламской религии время». Я даже немножко помню его. Он был маленького роста, немножко сутулый, с маленькой аккуратной беленькой бородой, ходил очень быстро и что самое интересное — на ногах у него калоши всегда были как новые, блестели. — *Г. Х.*). Мунира-ханум сказала, что в народе говорили, будто Магзум-бабай обладает способностью летать.

Он никогда ни на какой транспорт не садился. Всем отвечал, мол, сильно тороплюсь, некогда мне садиться на ваш транспорт. Одна женщина, говорит, рассказывала, как однажды они на машине «Запорожец» поехали в соседнюю деревню Калканово и по пути встретили Магзума-бабая. На приглашение сесть в машину и поехать с ними, как всегда, он отказался. Но каково было удивление женщины, когда, доехав в деревню, она заметила, что Магзум-бабай открывает ворота дочери и заходит во двор. Она никак не могла понять, как он, идя пешком, оказался в деревне одновременно с ними — ведь ни одна машина их не обогнала. Так подумали бы, что он на другую машину сел и одновременно приехал. Получается, умел он летать, сделала вывод мой информатор.

Шарапова Тагира Ахтямовна (1933 года рождения) тоже поделилась воспоминаниями о Магзуме-бабае. Жили они по соседству, часто общались. «Однажды, — говорит она, — Магзум-бабай попросил несколько мужчин поехать с ним за сеном. Когда приехали, оказалось, воры грузили сено Магзума-бабая. Он остановил всех, не доехав до своего стога, и сказал: «Давайте переждем, пусть они уедут, стыдно же им будет, неудобно». Он привел помощников к стогу после того, как уехали воры, так и не осмелившись выйти из укрытия. Такой он вот и был». Дальше она продолжила: «Без муллы в деревне мы ничего не делали. Хотя партия и запрещала, украдкой с муллой давали имя новорожденным детям, читали никах молодоженам, про-

водили аяты. Обычно он открывал нашу дверь, когда я проводила аят, и спрашивал: "Шарапов дома? Он же партия". Он у нас был муллой без мечети».

Из учеников Зайнуллы-ишана упомянутый Магзум-бабай был очень уважаемым в народе.

Очередной информатор Шарапов Гильмитдин Фасхитдинович (1930 года рождения) утверждал, что одна из жен Зайнуллы-ишана была дочерью Ахтяма-муллы и что его мама Нагима, жена Шарафутдинова Шамсетдина Салиха-енгэ и она дружили. По-моему, информатор ошибается. В статье Рауфа Насырова в перечне «Дочери Зайнуллы-ишана» даны их имена, а в скобках — имена их мужей. Ахтям-мулла фигурирует рядом с именем Рабига. Получается, Ахтям-мулла приходится не тестем, а зятем Зайнулле-ишану. Хусаинова Фанжия Габдулажановна (в 1940 году родилась в д. Аккужа), внучка Ахтям-муллы, сказала: «Моя бабушка, жена Ахтям-муллы, ее звали Хабиба. Она рассказывала, что жизнь у нее была трудная, так как мужа женили, согласно обычаю, на жене покойного брата, чтобы не отпустить ее из семьи, хотя она была намного старше Ахтям-муллы. Пришла она к нему второй женой, т. е. молодой бикой. А бабушке это объяснили тем, что у нее детей стало много, она не успевает, нужна ее мужу вторая жена. Но я не могу утверждать, что она была дочерью Зайнуллы-ишана. У бабушки об этом не спрашивала». Значит, если в самом деле дочь Зайнуллы-ишана Рабига была замужем за Ахтямом-мул-

лой, о котором шла речь, значит, по обычаю она вышла замуж за младшего брата покойного мужа.

Шарапов Гильмитдин тоже подтвердил сведения первого информатора о том, что название «гора Авлия» связано с именем Зайнуллы-ишана, что он собирал там очень много народу и читал молитвы. «Муллы ненавидели друг друга. Они донесли на Зайнуллу-ишана, будто тот дает предпочтение не религиозному учению, а мирским урокам, его арестовали и отправили в ссылку в Кострому.

Мне удалось побеседовать также с дочкой еще одного ученика Зайнуллы-ишана — Садыковой Ахматьяной. Зовут ее Сафия (1935 года рождения). Она рассказала историю о том, как ее отец поехал учиться в г. Троицк к Зайнулле-ишану: «Мой отец в пять лет остался сиротой. У него было сильное желание учиться. Когда он достиг определенного возраста, отрезал из камзола матери серебряные монеты и поехал в Троицк, потому что у него были родственники, сестра была замужем за казахом и жила там. Поехал он туда с парнем по имени Ахметхан из соседней деревни Кудей. Он говорил, что учил их Зайнулла-ишан, что особенно ему нравилось, как ишан преподавал математику (скорее всего — арифметику. Сафия-ханум сама была учительницей, и в ее время предмет уже назывался математикой. — *Г. Х.*). Отец доучился в Троицке, потом стал военным человеком... Моя бабушка Гульюзум работала прачкой в мечети Зайнуллы-ишана в г. Троицке. У нее были четки длиной в два метра,

она говорила, что их дал ей Зайнулла-ишан. Ночи напролет она сидела с этими четками и читала молитвы. Она еще рассказывала, что ишану привозили мыло с хорошим запахом и что оно было прозрачным. Она недоумевала, откуда могли привезти такое мыло... Зайнуллу-ишана ненавидели, и один мулла написал на него донос, рассказывал папа... Из нашей деревни у Зайнуллы-ишана учился также Магзум-бабай. Правда, он там учился недолго... Зайнулла-ишан все время ходил в чалме...». Отец Сафии-ханум умер в 1973 году, в 88 лет. Был очень грамотным, имел хорошую память. Когда вышел на пенсию, ездил в Троицк в казахские степи пофилософствовать, так как там были его единомышленники, верующие и проповедующие ислам.

Последним моим информатором в эту поездку стал мулла деревни Шарапов Камиль, сын Шамсетдина (1932 года рождения). Он с удовольствием поделился своими сведениями о Зайнулле-ишане. По его утверждению, ишан служил в мечети деревни Аккужа четырнадцать лет, планировал увеличить мечеть и организовать обучение. С этой целью якобы он организовал йыйын, в котором участвовали и два шейха из Учалов. Но не успел осуществить свой замысел: на него написали донос и ... отправили в Вологодскую тюрьму... Камил-мулла много рассказывал об ишане. Мое внимание привлекла одна информация муллы. Как известно общественности, в прошлом году в газете «Йэшлек» появилась информация о том, что на кладбище деревни Аккужа растет сосна, которой 800 лет. Если

Сафия-апай сказала, что родители им говорили, будто под сосной похоронен очень образованный человек, топтать это место нельзя, и что там [ранее] была могила, аккуратно обложенная камнями, что камни с могилы перетаскали в пруд мельницы, то Камил-мулла утверждал, что там же находится могила жены Зайнуллы-ишана, о чем ему поведал Магзумбабай. Во время командировки в 1986 году от Юнусовой Уммужамал (1913 года рождения) мной была записана такая информация: «В Юлдашево похоронен авлия, поэтому народ здесь дисциплинированный, место благодатное» (НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Е. х. 945. С. 285). На мой взгляд, Сафия-апай и Уммужамал-эбей имеют в виду одного и того же человека.

Отметим в заключение, что приводимые сведения записаны совсем недавно (март 2008) со слов представителей старшего поколения деревни Аккужа, которым уже более 70 лет. Эти воспоминания — записи фольклориста, я записала их так, как мне рассказали, и я не утверждаю, что они соответствуют действительности. Эти сведения, на мой взгляд, маленький, но ценный подарок к 175-летнему юбилею Зайнуллы-ишана, потому что шейх З. Расулев жил и работал в деревне Аккужа чуть более десяти лет, а имя и воспоминания о нем сохранились в памяти народа навсегда.

Гульнур Хусаинова,
кандидат филологических наук

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
Не частная биография 11
Пришельцы из-за гор 22
Святые места 24
Сильные корни 31
В дорогу 33
Деревня Аккужа 42
В зените славы 46
Первое паломничество 48
В далекий Никольск 52
Пока ишан в изгнании (*от автора*) 56
Поездки по Учалинскому району 61
В Никольске 65
Город Кострома 68
Чудотворец 70
Возвращение домой 72
Переезд в Троицк 73
Медресе «Расулия» 76
Большой дом 80
По новой программе 82
Дети 88
Кончина 104

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Загадка Ауштау (М. Фархшатов) 107
2. «Полюс времени» по имени Зайнулла (С. Хамидуллин) 117
3. Аргументы заокеанского ученого (И. Насыров) 139
4. М. Рамзи «Талфик аль-ахбар» (отрывок из книги, опубликованной в Оренбурге в 1908 году на арабском языке.) Перевод с арабского И. Насырова 150
5. Историк Мурад Рамзи — автор «Талфик аль-ахбар» (И. Насыров) 158
6. Память народа (Г. Хусаинова) 167

Художественно-документальное издание

НАСЫРОВ Рауф Хаевич

ШЕЙХ ЗАЙНУЛЛА РАСУЛЕВ

Редакторы *Л. Р. Бикбаева, Л. О. Хаирова*
Художник и художественный редактор
Ф. Ф. Ислахов
Технический редактор *Н. Г. Пятаева*
Корректоры *Р. А. Бондаренко, Г. Н. Гутова,*
А. М. Черепкова

Подписано в печать 28.05.08. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Банниковская. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,43. Усл. кр.-отт. 6,43. Уч.-изд. л. 5,82. Тираж 1 000 экз. Заказ № 1.0087.08.

ГУП РБ «Башкирское издательство "Китап" имени Зайнаб Биишевой».
450001, Уфа, ул. Левченко, 4а.

ГУП РБ «Уфимский Полиграфкомбинат».
450001, Уфа, пр. Октября, 2.